

Александр Чернов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов
Противостояние
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Одиссея крейсера
«Варяг»», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66077524

*А. Б. Чернов. Противостояние: ООО «Издательство АСТ»; Москва;
2021*

ISBN 978-5-17-139101-0

Аннотация

Предложенная Рудневым идея одновременного боя в разных географических точках двух русских эскадр и отдельного отряда кораблей с японским флотом могла привести к победе в войне. Адмирал Того вынужден разделить свои силы, и у островов Элиота семи броненосцам Макарова противостоят только четыре вражеских. В это же время у Сангарского пролива броненосные крейсера Руднева грудь в грудь сходятся с грозным противником – эскадрой адмирала Камимур.

Задумано было красиво. Только итог сражений не радует наших флотоводцев: фатальных потерь противник не понес, а русский флот по-прежнему разделен на Порт-Артурскую и

Владивостокскую эскадры. Наш враг отважен и стоек, а богиня удачи все еще на стороне японцев. Но собранные на Балтике и Черном море подкрепления под флагами Чухнина и Безобразова уже в пути к театру боевых действий. И чтобы решительно победить, не полагаясь впредь на изменчивую фортуна, командованию русского Тихоокеанского флота необходимо объединить усилия всех своих эскадр, не позволив японцам разбить их поодиночке.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. К одиннадцати – туз...	19
Глава 2. Эндшпиль: принцип оппозиции... с торпедами	58
Глава 3. Стенка на стенку	91
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Чернов

Противостояние

© Александр Чернов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Больше «Варягов»! Хороших и разных!
Глеб Дойников

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варяг“ – победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“»

На основе оригинального таймлайна Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2)

Пролог

Владивосток. Японское море.

Июнь – июль 1904 года

В начале июня у хозяина заведения «У дедушки Ляо», у самого дедушки Ляо, был самый удачный день в его карьере. Его портняжная мастерская, благодаря удачному расположению у порта, была наиболее популярна у морских офицеров. Впрочем, не менее благоприятным для потока клиентов был и тот факт, что у единственного портного, который мог бы составить конкуренцию по уровню цен и качеству работы, недавно сгорела мастерская.

Но такого «улова» у Ляо отродясь не бывало. Этим утром в его приемную вошли сразу *два* русских адмирала. Правда, сам он уже давно не занимался сбором информации. Ее потока из организованных им публичных домов и от сети соглядатаев из числа торговцев и наемной прислуги был вполне достаточно. Теперь его персональная роль заключалась в анализе добытых сведений и корректировке заданий агентуре. Однако соблазн оказался слишком велик, да и как мог хозяин заведения не выйти самолично к двум столь уважаемым персонам?

Когда в одном из клиентов Ляо узнал Руднева, на долю секунды ему прямо-таки нестерпимо захотелось заварить этому господину «особого чайку». Того, который он исполь-

зовал для устранения отработавших свое агентов. Но строжайшая инструкция генерального штаба – никаких убийств офицеров противника, а самое главное – желание сперва послушать, о чем будут беседовать между собой вражеские адмиралы во время долгой процедуры примерки, перевесили мгновенный душевный порыв.

* * *

После первых фраз же Руднева Ляо понял: его настойчивые молитвы наконец-то услышаны богами, а сам демон с «Варяга» не только уйдет из мастерской живым и в новом пальто. Пожалуй, стоит даже приказать всем агентам негласно беречь русского адмирала от несчастных случаев. Ибо если с ним что-нибудь случится, гэйдзины поменяют свои планы, и верный шанс окончательно разобраться с владивостокским отрядом крейсеров будет потерян. А шанс этот несоизмеримо важнее, чем удовольствие от умерщвления вражеского командующего своими руками.

Руднев же, беззаботно подставляя себя закройщикам с их мелками, мерными лентами и булавками, продолжал оживленно болтать, обращаясь к своему спутнику, в котором Ляо без труда опознал на днях прибывшего из Санкт-Петербурга контр-адмирала Небогатова:

– Понимаю, Николай Иванович, что вам эта идея не нравится. Только боюсь, все-таки придется нам всем отрядом

идти в море, чтобы обеспечить прорыв «Осляби» во Владивосток. Судя по последней телеграмме, Вирениус окончательно решил прорываться Сангаром. Не хочет рисковать навигационно в тумане у Курильских островов. И я, поплутав тут вдосталь меж камней в тумане, его вполне понимаю.

– Но, Всеволод Федорович, – перебил Руднева Небогатов, – лезть через Сангарский пролив на «Ослябе» в паре только с одной «Авророй» – чистейшее, форменное самоубийство! ВОК – другое дело. Мы всегда можем оторваться от более сильного противника, а броненосцы нас просто не догонят до темноты. Но «Ослябя»... На месте Того, прознай я о планах прорыва, подогнал бы пару первоклассных броненосцев к горлу Сангара, и все дела. Да и трех броненосных крейсеров типа «Асамы» за глаза хватило бы им, честное слово! Зачем же так рисковать?

– «Ослябя» запросто может не дотянуть до Владивостока, если пойдет к нам кружным путем. Вы качество постройки отечественного судопрома сами знаете, он же наш «углепожиратель». А что до риска... Господину Того надо, во-первых, узнать, что Вирениус пойдет именно через Цугару. Во-вторых, узнать, когда именно он там будет. А я пока и сам этого точно не ведаю.

– А как ВОК наш всем составом выйдет, так, значит, пошел встречать «Осляблю», – досадливо поморщился Небогатов. – Что тут гадать-то?

– Ну, нет. Не скажите. Мы на совместное маневрирование

так и ходим – всем отрядом, и довольно часто. А потом, даже пары японских броненосцев против «Осляби» и пятерки наших броненосных крейсеров – маловато будет.

– Но если Камимура свяжет боем нас, то, учитывая степень боеготовности «Корейца» и «Витязя», бой будет не пять на пять, а, скорее, пять на три. И не в нашу пользу, Всеволод Федорович. Так что пары броненосцев Того хватит за глаза и на утопление одинокого «Осляби» с «Авророй», и на то, чтобы потом добить все, что от нас с вами остается.

– Для этого надо, чтобы и Камимура, и Того с парой броненосцев оказались в Сангарском проливе именно тогда, когда мы пойдем встречать «Осляблю». Причем каждый у «своего» входа. И в этот момент у Артура не останется практически никого, а это, согласитесь, хоть Макаров и заперт брандером, уж слишком...

Нет, любезный мой Николай Иванович, извините, но это уже не предусмотрительность, а, скорее, паранойя. Кстати, насчет готовности итальянцев. У нас с вами есть месяц-полтора. Ходить они успеют научиться. Ну, а стрелять, – развел руками Руднев, – авось и не придется...

После окончательного снятия мерок Руднев с Небогатовым покинули мастерскую. И дядюшка Ляо, и его клиенты были вполне довольны друг другом. Ляо потому, что он успевал за месяц донести до японского командования сведения о маршруте прорыва «Осляби» во Владивосток и свои соображения о правильной расстановке сил для парирования за-

мыслов Руднева. Руднев же мысленно потирал руки от успеха наглого «слива» дезы единственному резиденту врага, о котором ему было достоверно известно.

За несколько дней до отхода его бронепоездов с вокзала Владивостока Василий сделал Петровичу прощальный подарок: вручил листочек, на котором были выписаны известные ему в XXI веке агенты японской разведки, действовавшие во Владивостоке. По выражению Балка, он «как мог подготовился к противоборству со своими японскими коллегами еще до переноса». Но настоятельно порекомендовал не отлавливать всех шпионов раньше времени, дабы в нужный момент использовать их как каналы для дезинформации противника.

* * *

Приятным сюрпризом для Руднева стало то, что возвратившейся от Хамамацу «Варяг» встречал прибывший во Владик контр-адмирал Небогатов, еще месяц назад командовавший Учебно-артиллерийским отрядом Черноморского флота. С крыла мостика крейсера узрев на пристани его плотную, кряжистую фигуру, Петрович мысленно поставил «жирный крест» в кондуите известных ему реальных проступков своих протеже: «Ну, все. Теперь ты, батенька, в моих надежных и цепких пальчиках. Как и к какому делу тебя правильно приставить, это я еще к Кодзиме подходя решил.

А уж такой подставы, что ты огреб от Зиновия Петровича, от меня ты не получишь. Спокойно и честно делай то, что должно. И пусть будет, что будет...»

Информация к размышлению. Николай Иванович Небогатов. Самая, пожалуй, противоречивая фигура в русской военно-морской истории начала прошлого века. С одной стороны, проявил себя как блестящий практик и организатор. Но с другой – именно он привел Российский императорский флот к самому позорному моменту во всей его истории.

Когда после падения Порт-Артура стало ясно, что Вторая тихоокеанская эскадра осталась с японским флотом один на один, ее решили срочно усилить. Увы, на Балтике оставались лишь те корабли, от которых командир ее, Зиновий Петрович Рожественский, уже отказался. Причем мотивировал отказ тем, что они вообще не дойдут до Дальнего Востока. Но под командованием Небогатова не приспособленные для дальнего плавания броненосцы береговой обороны, вкупе со старым броненосцем и крейсером, не только дошли. Они смогли догнать вышедшую полугодом раньше основную эскадру!

При этом во время похода проводились стрельбы, учения, и по многим показателям боевой подготовки догоняющий отряд превзошел основные силы. Небогатов, хорошо знавший театр боевых действий, – он три года провел в этих водах, командуя броненосным крейсером «Адмирал Нахимов», – разработал план похода вокруг Японии, на случай

если бы он не смог найти Рожественского. И не произошли встреча их эскадр у Индокитая, он до Владивостока, скорее всего, дошел бы. Увы, судьба распорядилась иначе. Эскадры встретились...

За несколько недель Зиновий Петрович подавил всяческую инициативу своего младшего флагмана, заставив того строго и неукоснительно следовать его приказам. Преданы забвению были и удачный опыт стрельб его «догоняющего отряда», и регулярные сверки дальномеров. Вместо однотонной, пепельно-серой, почти черной «боевой» окраски, которая должна была «прятать» от обнаружения врагом его корабли ночью и в сумерках – в это время суток Небогатов и планировал проходить наиболее опасные в смысле обнаружения места, – узости проливов, а также помогать им визуально теряться на фоне дыма в бою и тумана, его вновь прибывшие броненосцы и крейсер были перекрашены под идиотский дресс-код Второй тихоокеанской эскадры Рожественского¹.

В сражении у Цусимы Небогатов никак себя не проявил, не отдал ни одного приказа по своему отряду и строго выполнял приказ Рожественского, слепо «следуя за головным». После дневного боя и ночных минных атак он оказался во главе остатков эскадры: двух броненосцев, двух броненосцев

¹ Черный корпус, желтые трубы с черной каемкой. Ничего более удобного для определения расстояния, прицеливания и организации стрельбы противника Зиновий Петрович сделать, пожалуй, не смог бы, даже если бы специально такой целью озадачился.

береговой обороны и бронепалубного крейсера «Изумруд». По его приказу они сдались японцам, когда их окружили одиннадцать японских кораблей линии и несколько крейсерских отрядов. Лишь «Изумруд» не выполнил преступного распоряжения своего флагмана. И, благодаря высокой скорости, сумел выскользнуть из кольца всего японского флота и уйти к Владивостоку. К сожалению, до базы он так и не добрался, выскочив в тумане на камни в заливе Владимира...

Однако, кроме известной склонности не идти до конца в безнадежной ситуации, у контр-адмирала Небогатова было одно положительное качество, которым не обладало подавляющее большинство адмиралов русского флота, если «вынести за скобки» Макарова и Чухнина. Николай Иванович умел учить людей не зверея, не подавляя их воли, самостоятельности и инициативы. Не запугивая, не доводя подчиненных до нервного срыва. Поэтому, когда Руднев задумался, кому поручить командование броненосной частью ВОКа, а себя любимого в грядущем эскадренном бою Петрович видел исключительно на быстроходном бронепалубном крейсере, он предпочел Небогатова...

А незадолго до его приезда на отряде объявился и полный антипод Николая Ивановича в плане «как поступать, когда все потеряно и никаких шансов нет». После отказа капитана транспорта «Сунгари» от командования тогда еще, как он предполагал, одноименным крейсером, Руднев вытребовал

из Питера каперанга Владимира Николаевича Миклуху². Он принял «Витязь».

Когда же, наконец, прибыли все моряки для команд трофейных крейсеров, собранные как с кораблей Балтики, так и с Черного моря, Петровичу оставалось лишь уповать на каждодневную учебу и еженедельные выходы эскадры в море на совместное маневрирование. Если повезет, они приведут корабли в боеспособное состояние раньше, чем им придется принимать участие в бою. А если не успеют, то доучиваться придется экстерном, под вражескими снарядами.

² В годы русско-японской войны командир ББО «Адмирал Ушаков». При отправке броненосца на театр боевых действий его хотели заменить как «выплавившего ценз, необходимый для командования кораблем первого ранга». Но он настоял и пошел в поход со своим кораблем. С начальством он держался независимо, порой дерзко, но был добр и внимателен к матросам, пресекал грубость офицеров по отношению к ним. В бою у Цусимы, ночью 15 мая 1905 года «Ушаков» отстал от эскадры из-за затоплений в носовой части. Утром его настигли два японских броненосных крейсера, каждый из которых превосходил «Ушакова» по силам раза в два. К тому времени адмирал Небогатов с остатками нашей эскадры уже спустил флаг. Японцы подняли сигнал: «Предлагаем сдаться. Ваш флагман сдался». Миклуха, разобрав начало сигнала, воскликнул: «Дальше нам и разбирать нечего. Долой ответ! Открывайте огонь!...» «Адмирал Ушаков» отстреливался до последней возможности, и не вина его артиллеристов, что кроме одного снаряда, подбившего кормовой мостик «Ивате», серьезных попаданий в японские корабли не было. Увы, броненосец отправили на войну, не поменяв расстрелянные в учебно-артиллерийском отряде стволы орудий главного калибра. В дневном бою 14 мая они были «добиты» окончательно... Когда израненный броненосец, весь в огне, начал оседать на корму, Владимир Николаевич приказал открыть кингстоны и затопить корабль. Матросы и офицеры, бросаясь в воду и уже находясь за бортом, кричали «ура». Миклуха покинул броненосец последним. Он был ранен и умер в воде от переохлаждения и потери крови.

Во время учебных эволюций отряда на «Корейце» от неумелого обращения заклинило рулевое управление. С пути неудержимо катящегося на циркуляции крейсера каким-то чудом успел убраться «Громобой». Разбор полетов показал, что нежные итальянские механизмы не привычны к резкому русскому обращению. И вдобавок еще один милый пусячок-бонус: таблички «право» и «лево» на вспомогательной рулевой машине были приклепаны наоборот...

Рассвирепевший Руднев, свалив всю неблагоприятную работу по обучению команд новых броненосных крейсеров на Небогатова, сам от греха подальше убрался в море на «Варяге», прихватив для компании и «Богатыря». Намедни ему вспомнилась одна из гадостей для самураев, множество которых задним числом было придумано на Цусимском форуме в его времени. Поэтому на «Богатыре» водолазы готовились к погружениям для поиска подводного кабеля, а на «Варяге» минеры под чутким руководством самого адмирала мастерили по эскизам Василия Балка гидростатический взрыватель.

Места, где подводные телеграфные кабели, по которым в Японию шли сообщения из Европы и с театра боевых действия, выходили на берег острова Цусима, были русским известны. Кроме того, Руднев знал, что в составе японского

флота был и мобилизованный кабелеукладчик. Просто порвать кабель – значит оставить японцев без связи на неделю, не больше³. Но Рудневу хотелось убить двух зайцев одним выстрелом.

Когда десантная партия с «Варяга» завершила работу на берегу, на «Богатырь» катером доволокли отрубленный конец кабеля, так что его водолазам даже спускаться под воду не пришлось. Закрепив на корме крейсера, его отволокли на пять миль в море и уже там утопили, предварительно снабдив неким, весьма объемным сюрпризом...

Спустя две недели «Фудзи-Мару», эскортируемый старым крейсером «Идзуми», добрался из Японии до места обрыва. Единственный доступный на то время способ проверки состояния кабеля заключался в подъеме на поверхность, на барабан кабелеукладчика, чем японцы и занимались. Проще, пожалуй, было бы проложить новый кабель параллельно старому. Однако всего предусмотреть нельзя, резервного кабеля такой длины до войны не заготовили, а сейчас закупать и доставлять его из Европы или САСШ было слишком долго. И пришлось «Фудзи-Мару» на черепашьей скорости в три-четыре узла вытягивать милю за милей кабель из воды

³ С 10-го по 15 января 1904 года (за пять суток) мобилизованный кабелеукладчик министерства связи «Окинава-Мару», для маскировки перекрашенный в чёрный цвет и переименованный в «Фудзи-Мару», проложил секретную линию от Сасэбо на остров Видо (Кодзе) в заливе Пхалькупхо (Масан) на юге Кореи, где с началом войны с Россией была развернута маневренная база Соединенного флота.

и снова топить его за кормой.

Когда же, наконец, не доходя нескольких миль до острова Цусима, вытягиваемый из воды кабель стал отклоняться от первоначального маршрута, на палубе корабля началось всеобщее ликование. Было очевидно, что место обрыва близко. Еще пару часов на сращивание кабелей, пяток на протягивание до острова, и с этой нудной и тяжелой работой будет покончено.

Увы, радость была преждевременной. Не успел показаться из воды обрубленный конец, как несколько человек на баке нестройным хором закричали, что к кабелю принайтована какая-то металлическая банка. И стоило лишь воде вылиться из нее, как пятью метрами ниже поверхности моря замкнулся взрыватель связки из пяти гальваноударных шаровых мин. Силой их одновременного взрыва у «Фудзи-Мару» аннигилировало носовую оконечность по самый мостик. Гибель судна была практически мгновенной.

Руднев решил подстраховаться на случай нестабильной работы сконструированного «на коленке» взрывателя, увеличив силу взрыва. Ему, как обычно некстати, вспомнилась любимая поговорка военрука – «недостаток точности попадания с лихвой компенсируется избыточной мощностью боеголовки»...

Вертящийся возле кабелеукладчика «Идзуми», который не мог управляться при ходе менее восьми узлов и беспрерывно кружил вокруг охраняемого транспорта, или забегал

вперед и ложился в дрейф, успел подобрать семерых членов команды.

Теперь у Японии не было не только прямой связи с континентом – все известия из Кореи теперь шли сперва в Европу, потом в Америку, и только оттуда в Токио, – сейчас у нее не было и кабелеукладчика, способного такую связь наладить.

Глава 1. К одиннадцати – туз...

*В море у Бицзыво и островов Эллиота,
6 июля 1904 года*

По приказу Макарова крейсера и броненосцы вышли в море с сокращёнными запасами угля и котельной воды, рассчитанными лишь на пару суток активной боевой деятельности, из которых один день экономичным ходом. Уменьшение осадки не только позволяло свободно пройти по фарватеру у Тигровки, это обеспечило прибавку скорости от четверти до половины узла. И еще немаловажный плюс для броненосцев с хронической строительной перегрузкой – практически проектное положение главного броневое пояса в воде.

Комфлот не собирался убежать «за угол», во Владивосток, на соединение с эскадрой «больших фрегатов» Руднева. Макаров вышел драться. Во всеоружии и с приличным набором козырей на руках, теоретически позволяющих ему решить все наболевшие вопросы с Того здесь и сейчас. Но сперва супостата надо было отыскать...

В семь тридцать «Паллада», «Аскольд», «Новик» и истребители вышли «из-за спины» тралящего каравана и веером разошлись на поиск японских дозорных крейсеров. Скорость довели до тринадцати узлов, чтобы не слишком отрываться от броненосцев, пока идущих за тралами. Но не прошло и десяти минут, как искомый соглядатай уже объявил-

ся. Сигнальщики «Паллады», находившейся на левом краю «невода», углядели на горизонте изящный силуэт небольшого трёхтрубного крейсера. Зоркая дочь вестника глубин Тритона тотчас же «протрубила погоню»: ее радисты отстучали телеграмму, первую за этот долгий день, с указанием курса и класса противника. Охота начиналась. Русские крейсера и миноносцы набирали скорость, одновременно доворачивая на цель.

На «Цусиме» также не замешкались с опознанием противника: в Артуре оставался один трёхтрубный, двухмачтовый бронепалубник. Японец чуть отвернул к югу. Но через несколько минут сквозь ключья утренней дымки его сигнальщики разглядели второй русский крейсер.

Ситуация категорически отличалась от обыденной, о чём тотчас и заискрила японская радиотелеграфная станция. «Цусима», не мешкая, лег курсом на восток, пытаясь оторваться от преследования. Через пять минут второй крейсер был опознан с него как «Аскольд», а в дымке за ним замечен третий. По дерзко приближающимся самым полным ходом русским истребителям пришлось даже дать несколько залпов для острастки.

Утро быстро переставало быть томным, и японский крейсер разразился восьмиминутной радиограммой, прерванной экстренным выходом в эфир радиостанции «Микасы». Русские телеграфировать японцам не мешали.

Первые строки второй радиограммы «Цусимы» растревожили мерно покачивающийся на мутном эллиотском мелководье флагманский броненосец Соединенного флота. В 07:46 по владивостокскому времени паровая сирена «Микасы» взвыла, привлекая всеобщее внимание. И спустя считанные минуты три находящихся там броненосца, восемь истребителей и столько же миноносцев первого класса отретировали флажный сигнал флагмана адмирала Того «с якоря сниматься, последовательно, поотрядно за мной», а миноносцы 2-го класса из состава сил охраны передовой базы приняли к исполнению приказ «К походу и бою – готовность двадцать минут».

Стоящим в бухте транспортам и плавмастерским был дан специальный отменительный семафор: с разгрузкой, пока в море происходит что-то непонятное, необходимо повременить, но иметь пары во всех котлах. Тревожный сигнал получили также оба дивизиона миноносцев, два дня назад переведенных от Чемульпо к месту высадки армейцев у Бицзыво. Им надлежало выдвинуться на пять миль западнее стоянки транспортов, развернувшись в дозорную цепь с интервалом в шесть кабельтовых между кораблями.

К четверти девятого на японских броненосцах выбрали якоря. «Микаса», «Асахи» и «Сикисима» на четырёх узлах

форсировали выходной фарватер между разведенными бо-нами, но снявшийся с якоря «Фудзи» едва управлялся машинами из-за медленного подъёма пара в его цилиндриче-ских котлах. Впрочем, адмирал Того был уверен, что «Фуд-зи» идёт только ради дополнительной практики. Трёх броне-носцев, наводимых телеграфом «Цусимы», было вполне до-статочно, чтобы заставить зарвавшиеся русские крейсера ре-тироваться и вновь забраться в гавань Артура, тем более что они идут сосредоточенно.

В это время, отойдя от Электрического утёса на шесть миль, русские броненосцы отпустили тралящий караван, разойдясь с ним правым бортом на скорости в восемь узлов, и легли курсом на Эллиоты. «Баян» занял позицию в полу-миле южнее их линии, держась несколько впереди траверза «Цесаревича». А через четверть часа на пределе видимости в сто двадцать кабельтовых произошло взаимное обнаруже-ние «Баяна» и еще одного японского крейсера – «Отовы». Хотя командиры кораблей пока не опознали противника, оба не медля обратились к радиотелеграфу.

Стараясь разорвать дистанцию с японским разведчиком, Макаров в 08:35–08:45 двумя последовательными поворота-ми сместил курс колонны своих броненосцев на полторы ми-ли к северу и довёл их скорость до двенадцати узлов.

«Баян» и «Отова» шли навстречу друг другу, постепенно увеличивая скорость. Уже к 08:40 они сблизились на шесть миль, делая по 18 узлов каждый. На острых курсовых углах

дистанция взаимного опознавания для кораблей в защитной окраске соизмерима с дистанцией открытия огня. Вернее, само открытие огня является одним из достоверных признаков для опознания...

Спутать одноорудийный выстрел восьмидюймового орудия из носовой башни «Баяна» с чьим-то еще было невозможно. Он простимулировал решение командира «Отовы» немедленно лечь на курс отхода, сразу после чего адмирал Того прочел телеграмму об идущем отдельно от отряда бронепалубников «Баяне». А командиру башни обеспечил добротный фитиль от Вирена за открытие огня без приказа. Со своим стартом Роберт Николаевич решил поговорить на эту тему после боя.

Теперь перед японским командующим вырисовывалась иная картина: преследующие «Цусиму» русские крейсера как-то не слишком торопятся сблизиться и реализовать свое численное превосходство, что могло быть вызвано намеренно отвлекающим характером их вылазки. Тогда прячущийся «Баян» и есть главный герой дня! Теперь решение взять с собой «Фудзи» обрело реальный смысл. Он был направлен навстречу «Цусиме». А новым броненосцам придётся развернуться южнее строем фронта на запад – юго-запад, чтобы предотвратить прорыв «Баяна» к зоне высадки. На всякий случай на охраняющий транспорты под Бицзиво отряд – «Чин-Йен» и три «Мацусимы» была дана радиограмма о подъёме паров до нормы.

Но... Внезапно пришло очередное сообщение с «Отовы» об обнаружении на севере еще одной группы дымов! То ли это собрались все вместе отошедшие русские миноносцы, то ли вылезли из гавани русские канонерки, как это уже было в прошлом ночном бою, то ли просто эффект утренней дымки? Конец длинной телеграммы от Аримы разобрать не получилось, противник забил ее своей искрой. Не подкрепить ли «Фудзи» минными судами?

Вскоре все наличные истребители и миноносцы первого класса, общим числом в 16 выпелов, получили первый боевой приказ за день. Если Макаров собирается повторить предыдущий эксперимент не ночью, а днем, то одним крейсером и канонеркой он теперь не отделается. И отдав на всякий случай оперативные распоряжения о приведении в боевую готовность и о выходе с внутренней акватории малых миноносцев, охранявших оперативную базу, адмирал Того вышел из ходовой рубки на крыло мостика.

«Пожалуй, решение о переводе к пункту высадки армейцев восьми номерных миноносцев от Чемульпо оказалось своевременным, – подумал командующий, взглядываясь в пустынный пока горизонт сквозь оптику цейсовского бинокля. – Однако нужно вновь запросить „Отову“ о курсе и скорости „Баяна“. Главное, чтобы отважный Арима не позабыл сгоряча, что ход его нового крейсера совсем не тот, что у его бывшего флагмана отряда тридцатиузловых дестроеров...»

* * *

В 08:45 «Отова» завешил поворот на курс убегания (восток – юго-восток), ценой чему стало приближение идущего «самым полным» «Баяна» до угрожающих сорока семи кабельтовых. Через десять минут заговорили шестидюймовки носовых казематов русского «француза», превысившего-таки свою проектную скорость в 21 узел за счёт мероприятий по разгрузке! Преследуемый же, напротив, не смог продемонстрировать показанную совсем недавно, при приёмке, резвость. Корабль был новым, экипаж еще не сплаван, не вполне освоился по заведованиям, а у котлов стояли не заводские кочегары-сдатчики...

«Баян» неумолимо надвигался по четверти кабельтова за две минуты. Курс «Отовы» строго от противника максимально совмещал корпус корабля с фокальной осью эллипса рассеяния снарядов русского крейсера. Его старарт Деливрон, накоротке обсудив ситуацию с командиром носовой башни, слегка заикающимся от волнения лейтенантом Никольским, попросил разрешения попробовать достать уходящего японца главным калибром у Вирена.

– Бейте! – жестко отрезал тот, не отрываясь от бинокля. – Теперь – самое время.

Артиллеристы «Баяна» не только были неплохо вышколены до прихода в Артур. В отличие от коллег на броненосцах

или «Палладе», они имели еще и определенно большую огневую практику. Поэтому вскоре вполне приспособились к столь неспешному сближению: если при темпе ведения огня из восьмидюймовки выстрел в минуту первый снаряд положить под корму японцу с небольшим недолетом, то при неизменной наводке второй снаряд с высокой вероятностью даст накрытие.

Дальнейшие события пунктуально, по минутам, зафиксированы в вахтенном журнале «Баяна»: в 08:57 первый русский снаряд ударил в стык борта и верхней палубы слева от третьей трубы японского крейсера. В 09:03 и 09:05 попадания в верхнюю палубу, оба раза – пробитие, оба раза – множественные осколки на жилой палубе и пожар на шканцах. В 09:09 очередное пробитие верхней палубы, на этом раз взрывом и осколками повреждены вентиляционные шахты левого борта второго котельного отделения. В 09:10 на дистанции 41 кабельтов – первое близкое падение русского шестидюймового снаряда. Три минуты спустя очередной восьмидюймовый снаряд взорвался почти на миделе, возле трёхдюймовки левого борта – орудие уничтожено, новые повреждения котельных вентиляторов...

Для японцев явно назревала катастрофа. Но командир «Отовы» кавторанг Арима еще колебался, начинать активно маневрировать или нет, когда в 09:17 она произошла. Фатальная случайность. Взрыватель восьмидюймового фугаса не сработал мгновенно, и тот, продолжая убийственное дви-

жение, пробил не только жилую палубу, но и двойной борт в районе шестидюймовки № 2 ниже ватерлинии. Где, наконец, разорвался...

Три минуты спустя, получив рапорт о повреждениях и нарастающих затоплениях, на мостике японского крейсера поняли: до броненосцев уже не добраться. И «Отова» дерзко развернулся бортом к «Баяну» – не утопить, так хоть поцарапать.

– Ну, наконец-то! Поняли господа самураи, что конец близок, – с плотоядным прищуром процедил Вирен, на мгновение оторвавшись от бинокля. – Беглый огонь, господа! Теперь он наш...

Следующие двадцать минут бой шел на сходящихся курсах, дистанция постепенно сократилась до двух миль. «Баян» за это время получил несколько попаданий, в том числе шестидюймовых. Из серьёзных – пробитие первой трубы в нижней ее трети и дыра в носовой оконечности с правого борта. Эта пробоина привела к тому, что командиру единственного артурского броненосного крейсера пришлось принимать решение о завершении его плановой миссии – разведки и дальнего охранения броненосной колонны. Хотя пробоина находилась несколько выше броневого пояса, это не спасало от заливания уже на скорости в 15 узлов.

Тем временем на левом борту многострадального японского крейсера не осталось живого места – корабль принимал воду в угольные ямы на скосах, в машинное и котель-

ные отделения через разрушенные шахты вентиляции. Одно за другим смолкали его орудия, либо выведенные из строя, либо по причине нарастающего крена не способные больше доставать противника.

Предпринимали ли японские моряки попытки спрямления – неизвестно. В 09:45 новейший крейсер Соединенного флота опрокинулся и быстро затонул, унеся с собой больше двухсот человек. До идущего на выручку Того он не дотянул самую малость, миль тридцать...

Море огласилось криками «ура»! Офицеры и матросы высыпали к борту досмотреть поистине незабываемое зрелище: уходящий под воду первый крупный вражеский корабль, потопленный их красавцем «Баяном».

После извлечения из воды уцелевших японских моряков, а таковых набралось девяносто три человека, и временной заделки деревянными щитами пробоины у ватерлинии, «Баян» дал ход лишь в 10:17. Но хотя его трюмный механик со старшим офицером были единомышленны: щиты и подпоры выдавит лишь при ходе свыше восемнадцати узлов, Вирен решил не рисковать. «Баян» повернул на соединение с броненосцами, делая «надежные» шестнадцать.

Во время проведения спасательной операции произошел довольно любопытный эпизод. Один из пятерых уцелевших японских офицеров был поднят на борт со связанными руками и обмотанной матросской форменкой головой. К удивлению Вирена и всех на мостике «Баяна», им оказался ко-

мандир «Отовы» Арима. Выяснилось, что он попытался отбиваться от наших моряков кортиком, за что и получил по темени пером весла от младшего боцмана «Баяна» Василия Бабушкина, командовавшего катером. В результате кортик врагам не достался и утонул, а его оглушенный хозяин был вытаскен из воды и наскоро перевязан чем бог послал.

Несмотря на потрепанный внешний вид и неестественную для азиата бледность, держался японец гордо и самоуверенно. И на вопрос, почему он решительно отказывался от спасения, высокомерно заявил, что не пристало японскому воину получать помощь и милость от врага. Или что-то в этом роде. После чего добавил, что, занимаясь его пленением, русский командир лишние десять минут не давал хода крейсеру, и это в некоторой мере компенсирует его моральные муки от факта пленения.

Выслушав перевод дерзких высказываний своего невольного гостя, Вирен смерил японца любопытствующим взглядом, недобро усмехнулся и приказал после оказания необходимой медицинской помощи поместить кавторанга под замок с приставлением караула⁴.

⁴ В нашей истории кавторанг Арима Рёкицу был одним из самых ярких критиков адмирала Уриу за решение спасти из воды команду «Рюрика» у Ульсана. Он считал это «тактически не оправданным». Лично Арима отметил тем, что не стал спасать экипаж «Светланы», погибшей под снарядами «Отовы» в Цусимском бою. Не из-за злобности, а исключительно по тактическим соображениям, по-видимому...

Пока «большой брат» занимался одним соглядатаем, «Паллада», «Аскольд» и «Новик» делали свое дело не столь эффектно, но не менее эффективно. И Того все утро оставался в неведении относительно выдвижения к Бицзыво русских броненосцев. Жаль только, что подловить второй японский бронепалубник артурским крейсерам не удалось даже втроем. Сближение с «Цусимой» сдерживала «Паллада», а в перестрелке один на один с предельных дистанций на острых углах «Аскольд» почти не имел преимуществ.

В 09:25, когда попытки передать радиogramмы с «Отовы» прервались, адмирал Того понял: Ариме, похоже, из переделки уже не выпутаться. И прекрасный новый крейсер-разведчик приходилось списывать со счетов после первого же боевого похода. Судя по всему, его командир погорячился и допустил сближение с броненосным противником – «Баяном» – на непозволительно короткую дистанцию или что-то случилось по машинной части. Когда корабль только что с верфи, возможны любые отказы. Увы, боги войны периодически требуют жертв. Похоже, сегодня одна Соединенным флотом уже принесена...

Но раз в море «Баян», рассудил адмирал Того, значит, Макаров всерьез пытается добраться до японских транспортов. Атаковать горсткой крейсеров и дестроеров днем, прямо с

утра? Что это? Может быть, самоубийственная атака по типу той, что уже пыталась совершить «Диана»? Да, крыса, загнанная в угол, бросается. Возможно, русские уже поняли, что скоро их ждет бесславный конец под снарядами осакских мортир? Однако на богов надейся, а коня-то на ночь привязывай...

В 09:28 на «Чин-Йене» приняли к исполнению распоряжение командующего о начале конвоирования транспортов по направлению к устью Ялу. Вслед за флагманом, в десятке кабельтовых мористее формируемого кильватера пароходов, выстроилось трио: «Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате». Им предстояло стать последним рубежом обороны на случай прорыва русских крейсеров. Хотя продраться сквозь строй японских броненосцев шансов у них практически не было. Возможно, поэтому контр-адмирал Катаока взирал с олимпийским спокойствием на неторопливость трампов в исполнении отданных им приказов.

* * *

«Микаса», «Асахи» и «Сикисима» строем фронта шли по направлению к расчетной точке боя «Отовы» с «Баяном». Все-таки, если русский броненосный крейсер выдержал бой и если его скорость в результате этого уменьшилась, есть шанс отплатить ему сполна.

«Фудзи», наконец-то поднявший пар до марки во всех

котлах, спешил на соединение с «Цусимой», чтобы перехватить русские бронепалубники. На всякий случай и он, и «Цусима» получили приказ принять несколько южнее, чтобы приблизиться к броненосцам Того и уплотнить «невод» для ловли «Баяна».

А вскоре на сцене появились и новые актеры. В 10:20 восемь кораблей 2-го и 3-го дивизионов истребителей, а также восемь миноносцев 14-го и 15-го дивизионов, идущие на скорости в 25 узлов фронтом дивизионных колонн по четыре корабля в каждой, поравнялись с крейсером «Цусима», на всех парах уходящим от «Аскольда», «Паллады» и «Новика».

Каперанг Асаи Седзиро, командовавший минными силами 1-й боевой эскадры и державший свой брейд-вымпел на «Муракумо», решил, что ему представился неплохой шанс превратить охотников в добычу. И приказав поднять ход до 27 узлов, повернул на юг, обрезая корму «Цусиме» и становясь бортом к ее преследователям. Этим маневром он давал возможность своим кораблям подивизионно пристроиться ему в кильватер и изготовиться к массовой атаке на зарвавшихся русских. Даже без учета разворачивающегося позади крейсера, их было шестнадцать...

Контр-адмирал Николай Карлович Рейценштейн, оценив с крыла мостика «Аскольда» ситуацию, быстро обменялся парой фраз с командиром крейсера Грамматчиковым и в 10:25 приказал зеркально повторить манёвр японцев, вы-

строив короткий кильватер с «Новиком» во главе параллельно противнику. Державшиеся с нашими крейсерами четыре «шихаусских» истребителя получили распоряжение в бой пока не ввязываться: адмирал берег их мины для транспортов.

Из-за наличия в его колонне тихоходной «Паллады» подпускать японцев к себе даже на милю было очень опасно. С сорока кабельтовых наши крейсера открыли ожесточенный огонь всем бортом в тот момент, когда у японцев на новый курс успели лечь только истребители и пара «циклонов». Когда первые снаряды начали ложиться в непосредственной близости от его кораблей, Асаи понял, что тянуть дальше, пытаясь вывести свою колонну русским на носовые курсовые углы, – непозволительная роскошь, противник очень быстро нащупал дистанцию. Нужно было или отворачивать, или атаковать.

Через десять секунд на фалы «Муракумо» взлетели флаги сигнала, продублированные коротким и резким двойным завыванием сирены, когда флагманский дестроер уже крепился на циркуляции. Дружно, как на учениях, отрепетовав сигнал флагмана, японские истребители и миноносцы, развернувшись «все вдруг» на врага, на полном ходу кинулись в атаку!

Началась «корабельная русская рулетка». Но крейсера Рейценштейна лишь две минуты продолжали идти курсом на юг, позволив миноносцам приблизиться на тридцать ка-

бельтовых и непрерывно осыпая их снарядами. А затем благоразумно отвернули на восток, становясь к настойчивому противнику кормой. Логичным в этой ситуации решением для миноносников было прекращение атаки. Но... Асаи «закусил».

Следующие 10 кабельтовых сближения японцы, сжав зубы, терпели русский огонь: за 7 минут три из них испытали тяжесть русских снарядов – один эсминец получил попадание 120-миллиметровым снарядом в носовую оконечность; на одном миноносце столб воды от близкого падения проник в котельное отделение, и еще один «поймал» бортом несколько тяжёлых осколков. Все три сохранили ход, но все три вынуждены были прекратить атаку.

Сближение еще на 10 кабельтовых стало кровавым. На одном из миноносцев осколками посекло всех и вся внутри ходовой рубки. Следующие две минуты он провел в неуправляемой циркуляции, пока руль не был поставлен в нормальное положение. Другой миноносец стал первым, получившим «настоящее» попадание – шестидюймовый снаряд пробил палубу в корме и взорвался уже в воде под винтами.

И их осталось 11...

В 10:44 командир «Новика» Эссен по собственной инициативе лёг курсом на S-SW, решительно повернув свой корабль всем бортом на противника. Введение в бой его носового 120-миллиметрового орудия не сильно увеличило огневую мощь, но на нервы японцам начало действовать – два

ближайших миноносца спешно и неприцельно отстрелили свои торпеды и отправились под защиту приближающейся «Цусимы». Командир еще одного счёл рыскание «Аскольда» на курсе за попытку повторить маневр «Новика».

И число опасных для наших крейсеров миноносцев сократилось до восьми...

Перед Асаи встал нелегкий выбор: положиться на надёжность приборов Обри, пустив свои торпеды под корму русских крейсеров, или, перетерпев еще пятнадцать-двадцать минут огня, повысить шансы за счёт прицеливания в борт. Однако строй его кораблей уже нарушился, и в итоге он принял соломоново решение, подняв сигнал «Общая атака по способности».

Теперь каждый из его командиров выбирал собственный вариант, сообразуясь с личным темпераментом, опытом и силой русского огня. Было бы в их действиях больше выдержки, русские крейсера не смогли бы уйти от перекрестья торпедных траекторий. Но выбравшие вариант «с кормы» миноносцы 15-го дивизиона, недавно приданного минной флотилии каперанга Асаи, не стали дожидаться своих более расчётливых и опытных соратников, из-за чего и последние тоже не преуспели: лёгкими отворотами «Паллада» и «Аскольд» парировали усилия маленьких японских корабликов, а «Новик» – так и вовсе юлой вертелся на месте, то ли дразня японцев, то ли выбирая лучшие условия стрельбы.

Так или иначе, но к 11:00 японская минная атака на рус-

ские крейсера завершилась. На отходе был уничтожен снарядами «Аскольда» подбитый ранее и лишившийся хода миноносец «Маназзуру», а некоторые его более удачливые коллеги получили на прощание «ценные подарки» – от осколков шестидюймовок до целых 75-миллиметровых снарядов.

Итог, в общем-то, закономерен: днём в ясную погоду против быстроходных крейсеров с неповреждённой артиллерией миноносцы почти не имели шансов. Но их атака, временно сорвавшая продвижение вперёд русских крейсеров, дала транспортам в Бицзыво почти целый час дополнительного, спасительного времени. Правда, их капитаны об этом не догадывались.

* * *

Примерно за час до полудня воды к востоку – юго-востоку от внешнего рейда Артура представляли собой пёструю картину. Ведомая Макаровым колонна из семи броненосцев все еще скрывалась «в тени» передовой завесы бронепалубных крейсеров, отставая от них на 15 миль. Фланговое охранение броненосцев с севера осуществляли эскадренные миноносцы французской постройки «Властный», «Внимательный», «Выносливый», «британец» «Боевой» и 240-тонные «соколы» – «Смелый», «Сердитый», «Сторожевой» и «Стерегающий». За связь этого северного отряда с флагманом отвечала радиостанция «Амура». Арьергардным отрядом были на-

ши канонерские лодки и минные крейсера. Фланговое охранение броненосцев с юга осуществлял «Баян». И хотя за последний час он изрядно потерял в скорости, до сих пор был впереди русских линкоров, все еще поддерживавших экономичный 12-узловой ход.

В 10:51 марсовые русского крейсера смогли рассмотреть далеко впереди, под большой шапкой дыма, корабль в защитной окраске, вскоре опознанный как броненосец. Расстояние и носовой ракурс не позволяли уверенно идентифицировать, кто именно это был. Но, со всей очевидностью, именно тот, к кому так спешил затонувший японский крейсер. Вскоре стало ясно, что подходящий японец не один. В 10:54 был замечен еще один крупный корабль, а чуть позже и третий. И в 10:57 по приказу Макарова Вирен развернул крейсер курсом на запад с целью занять место в кильватере броненосцев.

Момент истины приближался с неотвратимостью снежной лавины. К 11:00 между «Баяном» и флагманом Того было около семи миль. В то же время на мостике «Цесаревича» оценили расстояние до обнаруженного Виреном нового противника в шестнадцать. Макаров приказал пробить боевую тревогу и увеличить скорость до 14 узлов.

Тем временем к «Цусиме» и отходящим для перезарядки эсминцам и миноносцам Асаи с юга приблизился «Фудзи». При этом истребители, снизив свой ход, также забрали к югу, а миноносцы на всех парах убегали к Эллиотам – у них за-

пасных торпед не было...

И в который раз за этот долгий день беглец превратился в преследователя. Только при этом догоняющий – пожилой японский броненосец – не обладал ни достаточной скоростью, ни достаточной скорострельностью, чтобы хоть как-то угрожать русским крейсерам, которые вовсе не спешили от него отрываться. Уходить вперед от своего бронированного собрата на «Цусиме», очевидно, не желали, и крейсер, развернувшись, занял место на правом траверзе броненосца.

Эта неторопливая погоня закончилась в 11:31. Когда сигнальщики с фор-марса «Фудзи» обнаружили несколько к северу от чинно, с достоинством отступающих русских крейсеров приближающийся неопознанный отряд кораблей. Еще несколько минут сближения ушло на осознание того факта, что это вовсе не ожидаемые русские канонерки...

В 11:35 японский броненосец отстучал телеграмму флагману и круто повернул на юг, на соединение с ним. Расстояние от Макарова до «Фудзи» в этот момент было 85 кабельтовых. Но радиограмма опоздала. С увлечённых погоней за «Баяном» броненосцев Того уже смогли рассмотреть под шапками дыма к северу от себя мачты нового противника. И на головном судне они были увенчаны закрытыми двухъярусными боевыми марсами. Такое украшение «а-ля франсе» мог нести только один корабль в этих водах. Русский флагманский броненосец «Цесаревич»...

Гром грянул среди ясного неба. Такого не могло быть, и

Того размышлял не более десяти секунд. Но вовсе не над тем, каким образом Макаров исхитрился вывести в море свои наглухо заблокированные брандером броненосцы. Сейчас их необходимо было задержать! И бой нужно принимать, иначе неизбежно погибнут «Фудзи», все «старики» Катаоки и масса народу на транспортах. Единственным шансом на более-менее приемлемую его завязку было скорейшее соединение его броненосцев. После чего, пользуясь преимуществом в ходе, постараться сосредоточиться против головы русской колонны.

Но у этого решения был один, правда, очень важный недостаток – курсы сближения его броненосцев одновременно приближали их к русским. И тут последний раз свое слово сказала уже лежащая на дне «Оттова» – благодаря ей корабли Макарова оказались чуть севернее, а «Фудзи» чуть южнее, чем могли бы быть. Только поэтому соединение трех кораблей Того и «Фудзи» все еще оставалось возможным...

«Цусима», не искушая судьбу, повернул за «Фудзи», выходя ему на неподбойный борт, а русские бронепалубные крейсера взяли курс вдогон за идущими со скоростью пятна-

⁵ Думаю, не зазорно слегка переделать известную «черномырдинку»: «Никогда такого не было! И вот – опять...»

дцать-семнадцать узлов эскадренными миноносцами Асаи. Рейценштейн прекрасно понимал, что перезарядка на скорости больше двадцати узлов для них дело почти фантастическое, однако, если японские дестроеры этим сейчас занимаются, нужно сделать все, чтобы им помешать.

Опасения русского адмирала, знавшего о высокой выучке моряков японского флота не понаслышке, оправдались. Японским миноносникам удалось сделать почти невозможное. За те пятнадцать-двадцать относительно спокойных минут на всех восьми дестроерах успели загнать мины в один аппарат, и сейчас минеры лихорадочно готовили их к пуску, а на двух, включая флагман Асаи, смогли загрузить «рыбки» в оба! На трех других мины для второго аппарата не успели даже извлечь из пеналов, а на палубах еще трех кораблей сейчас шел безумный эквилибр с торпедами, на который даже выдавший виды каперанг Асаи не мог смотреть без содрогания...

* * *

На верхнем мостике «Цесаревича» стояла напряженная, предгрозовая тишина. Офицеры, взглядываясь в бинокли, вслушивались в отрывистые доклады дальномерщиков. В туманной дымке спереди слева уже довольно отчетливо был виден силуэт японского двухтрубного броненосца, самым полным ходом идущего навстречу трем своим братьям –

двум двухтрубным и замыкающему трехтрубному, недавно открывшимся справа. Их всех уже опознали. Слева корабль типа «Фудзи», справа «Микаса», «Асахи» и «Сикисима».

– Ну, что же, господа. Можете меня поздравить! Я только что проиграл пари Всеволоду Федоровичу Рудневу. Дай-то Бог ему и нам сегодня удачи. Так, сколько у нас на дальнотере? – нарушил молчание Макаров.

– До одиночного семьдесят пять, до головного в колонне семьдесят шесть, ваше превосходительство!

– Ясно. Аккурат посредине идем. Но Того побыстрее будет. Через пять минут примем полрумба на «Фудзи». Жаль, отсечь мы его уже не успеем. Даже если сейчас оторвемся от «полтав»... Если Того не побежит, конечно. А он не победит. Готовьте к бою правый борт. Прислугу мелких орудий – за броню. И давайте-ка, господа, перебираться в рубку.

– Дозвольте на марс, Степан Осипович!

– Нет, Андрей Константинович, не разрешу, увольте-с. При всем к вам моем уважении, лишний риск сейчас никому не надобен. Дело обещает быть серьезным, и каждый офицер, может статься, будет на счету. Можем и на пистолет сойтись. Кроме того, мне ваш совет на маневр может понадобиться. Так что – в рубку, друг мой, в рубку! Будьте добры...

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Иениша Н. В.

Флагманский артиллерист штаба Старка, а затем Макарова, капитан 2-го ранга Андрей Константинович Мякишев

бой с японской эскадрой 27 февраля 1904 года провел с биноклем на марсе, что вызвало общее восхищение его храбростью. Но он был там вовсе не для парада, а чтобы занести в книжку эволюции отдельных судов общую картину маневрирования эскадр и многие характерные падения снарядов.

Но почему он оказался во время боя на марсе, а не при адмирале? К началу войны корабли наши были в стрельбе абсолютно автономны. Роль флагарта сводилась к общему руководству подготовкой судов к стрельбе, заботе о снабжении снарядами и всем необходимым для поддержания в исправности орудий, выработке «программы» учебной стрельбы. И всё. Стрельба эскадренная, как она стала пониматься позже, не существовала. Вмешательство артиллерийского офицера в тактику маневрирования было недопустимым. Это была личная и священная прерогатива адмирала, который обратился бы за советом скорее к флаг-штурману, чем к артиллеристу. Чем роль последнего, коль завязался бой, обращалась в нуль.

Мякишев хорошо видел, с кем он имел дело в лице адмирала Старка, знал, что смена его неминуема и что будет призван Макаров. Мякишев, горячий и деятельный практический тактик, не мог упустить случай реального боя, чтобы иметь свежий материал для суждения о сравнительной маневренной и огневой ценности обеих сторон. Не на мостике, не в броневой рубке с ее ограниченным обзором, где находилось много судовых специалистов, было его место, но имен-

но на марсе, находившемся к тому же всего на три сажени над мостиком и в сообщении с последним, где он был никем не стесняем и мог наблюдать ход боя, не мешая никому, для пополнения своих ценных сведений.

А что они были ценны – доказательством того служило, что Макаров, едва прибывший в Артур со своей секретной «Инструкцией для похода и боя», выработанной им и отпечатанной в поезде, несшем его на восток, начал вводить в нее изменения после совещания с Мякишевым.

Хронометр показывал 11:45...

Через десять минут, когда дистанция сократилась почти до пяти миль и противники практически одновременно начали пристрелку, неожиданно громынуло правое орудие в носовой башне «Цесаревича»: то ли у башенного командира, то ли у наводчика не выдержали нервы. Однако все остальные большие пушки терпеливо молчали, дожидаясь команды от старартов. Слава богу, пристрелка не была сбита, и через пару минут заговорили уже все орудия, способные достать до неприятеля.

В завязке боя как само взаимное расположение противников, так и их перемещения не были оптимальными для артиллеристов. Поэтому ничего удивительного в том, что в последующие пятнадцать минут, за которые противники сблизились на дистанцию в пределах трех миль для флагманских броненосцев, «Фудзи», пройдя по неподбойному борту бро-

неносцев Того, встал в кильватер «Сикисиме» и начал обстрел «Пересвета», а «Баян» пристроился позади второго броненосного отряда из «севастополей», никто и ни в кого ни разу так и не попал главным калибром! Артиллеристам, управляющимся с шестидюймовками, успех сопутствовал в большей степени. Японский флагман «проглотил» семь таких подарков, «Сикисима» четыре, шесть достались на долю «Фудзи». Из повреждений, о которых стоит упомянуть, были зафиксированы полный выход из строя одной палубной шестидюймовки на «Фудзи» и небольшой пожар за мостиком «Сикисимы», в ходе которого полностью выгорела рубка беспроволочного телеграфа.

Но больше всех снарядов среднего калибра «наловил» «Цесаревич», по которому вели огонь все японские корабли – аж целых десять. По счастью, ничего особо серьезного они уничтожить или подбить не смогли. Несколько рваных дыр в небронированном борту, три 75-миллиметровые пушки, разорванный почти пополам катер, оборванная якорная цепь и выгоревшая кормовая штурманская рубка – не в счет. Правда, само зрелище периодически вздымающихся над головным броненосцем дымных шапок от разрывов вражеских снарядов было не самым приятным для всех, кто наблюдал за происходящим с других русских кораблей.

Японская колонна продолжала идти выбранным курсом почти строго на норд, что, с одной стороны, позволяло удерживать русские линкоры от прорыва к Бицзыво, а с другой, в

связи с общим преимуществом в ходе у японских кораблей, предоставляло возможность, обогнав русских, всеми силами навалиться на их флагмана. В 12:10 Макаров повернул свою колонну на два румба влево, дабы ввести в дело замолчавшие кормовые башни, для которых противник стал временно недостижим, а затем, минут через пять, «Цесаревич» лег на курс, параллельный японской колонне.

Именно в это время, в 12:15, было отмечено первое попадание в русский флагман 12-дюймовым снарядом с «Асахи». Снаряд врубился в броненосец метрах в десяти позади средней шестидюймовой башни. Он выдрал изрядный кусок небронированного борта надстройки. Внутри нее в нескольких местах его осколки пробивали кожух второй трубы и дымоходы, но, по счастью, навывлет. Котлы не пострадали. Задымление внутренних помещений удалось вскоре ликвидировать, просто заткнув дыры тем, что попало под руки. Сама башня от сотрясения минут на пять вышла из строя, но затем вновь возобновила стрельбу.

Примерно в это же время получил свой первый снаряд главного калибра и флагман адмирала Того. Русский бронестойкий снаряд попал в щит шестидюймового орудия кормового верхнего каземата и, пробив его, изуродовал казенную часть пушки. То, что сам снаряд при этом не взорвался, а только лишь разбился на несколько крупных кусков, не спасло от смерти четверых членов расчета, но, возможно, спасло весь броненосец от взрыва боекомплекта...

В 12:20 второй русский броненосный отряд полностью повернул на параллельный противнику курс. Примерно в это же время поднявшийся на мостик трюмный механик Кошелев лично отрапортовал командиру концевой в колонне «Баяна», что поступление воды в носу перекрыто, подпоры и клинья полностью раскреплены и крейсер может вновь развить свой полный ход. Вирен немедленно сигнализировал об этом флагману и вскоре получил приказ: забрав с собой четыре истребителя Шельтинга, поддержать крейсера, направляющиеся в сторону Эллиотов. Понимая, что единственный путь – это обойти броненосную колонну противника с кормы, «Баян» в 12:27 резко принял на 4 румба вправо, увеличив ход до 19 узлов.

Отпарировать движение «Баяна» своими силами Того уже не мог. Единственное, что ему оставалось, это отдать приказ командовавшему минной обороной Эллиотов кавторангу Такэбо немедленно собрать в кулак все оставшиеся миноносцы, включая и те, что находятся у Бицзыво, а затем, по возможности объединившись с силами каперанга Асаи, произвести массированную атаку на русские корабли, подходящие к пункту высадки от Порт-Артура.

Такэбо, чьи корабли 10-го и 11-го дивизионов миноносцев (№№ 40, 41, 42, 43, 72, 73, 74, 75) уже сосредоточились в двух милях западнее входного бона эллиотской маневренной базы, немедленно двинувшись навстречу противнику курсом на запад – северо-запад со скоростью 12 узлов, приказал

выйти на рандеву с ним миноносцам 4-го и 5-го дивизионов (№№ 21, 24, 29, 30, 25, 26, 27, «Фукурю»), развернутым ранее в завесу у Бицзыво...

* * *

Море грохотало... В течение сорока минут броненосцы Того и Макарова занимались взаимной разделкой в классическом линейном бою на дистанциях от тридцати двух до сорока пяти кабельтовых. Линкоры сошлись для сражения в кильватерных колоннах впервые не только в ходе этой войны, но и, пожалуй, со времен Трафальгара.

Макаров, дабы не дать японцам меньшими силами охватить голову его колонны, вынужден был дважды отдавать приказ по первому отряду сначала довести скорость до пятнадцати, а в 12:35 и до шестнадцати узлов. В итоге «севастополи» уже с половины первого начали явно оттягивать от уходящего вперед быстроходного отряда. Хотя положение Того это сильно не улучшило: примерно около этого же времени наметилось отставание окутавшегося дымом пожара «Фудзи». «Мягкая», лишенная вертикального бронирования корма оказалась ахиллесовой пятой для этого корабля, чья схема броневой защиты была подобием британских «Ройал-Соверенов».

Сначала проблемы кораблю создала классическая подводная пробоина шестидюймовым снарядом. Но благодаря са-

моотверженности трюмного дивизиона ее за двадцать минут удалось заделать. Помпы и насосы справлялись, и принятая вода должна была быть вскоре откачана. И в этот момент, примерно в 12:40, японский броненосец получил роковой удар. Двенадцатидюймовый снаряд, в отличие от первого за этот день, сравнительно безобидно взорвавшегося на главном поясе, ударил в нескольких метрах позади едва заделанной пробоины в корме... И мало этого. Он еще и исправно взорвался, едва прошив борт.

Потери трюмного дивизиона только убитыми составили одиннадцать человек, огромная полуподводная пробоина с вывороченными наружу краями принимала в себя форменный водопад. Силой взрыва упоры у первой пробоины были сметены, и вскоре четыре отделения были полностью затоплены водой. Аварийное заdraивание водонепроницаемых переборок облегчило ситуацию лишь частично, кроме того, два комингса дверей в следующие отсеки были покороблены, о герметичности их говорить не приходилось. Вскоре вода уже плескалась в подбашенном отделении...

«Фудзи» ощутило садился на корму. За десять минут его скорость упала до тринадцати узлов. Тем временем сзади в него угодило несколько снарядов с «Баяна», причем один – из носовой башни. Хотя артиллеристы броненосца и поквитались, всадив в проходящий русский крейсер три шестидюймовых, восьмидюймовый «привет» от «Баяна» оказался для «Фудзи» куда большей неприятностью. Вернее, фаталь-

ной. Его взрывом вскрыло две трети кормовой трубы, после чего «инвалид» охромел окончательно.

В последующие сорок минут три русских броненосца типа «Севастополь», отставшие от уходящих вперед сцепившихся кораблей Макарова и Того, не оставили подранку и тени шанса. Они неторопливо сблизились с подбитым броненосцем на дистанцию порядка двадцати пяти кабельтовых, засыпая его снарядами. И по прошествии получаса «Фудзи» уже пылал, как дровосклад. Грот-мачта и вторая труба рухнули. Кормовая башня с затопленными погребами замолчала еще в 13:10, а когда прямым попаданием вынесло изрядный кусок крыши и заднюю стенку передней, только чудо спасло корабль от взрыва: вода из перебитых труб гидравлики залила разгоравшийся пожар. Однако с башней в любом случае было покончено – развернуть ее в диаметрально для зарядки орудий было невозможно из-за деформации погона.

Выслушав доклад старшего офицера о положении корабля, капитан 1-го ранга Мацумото невозмутимо переспросил:

– Так вы говорите, что у нас осталось одно шестидюймовое орудие на левом борту, а на правом три?

– Так точно. К сожалению, развернуться мы не можем, корабль практически не управляется.

– Благодарю, Хига-сан. Я понял. Прикажите вынести наверх портрет императора. Вы лично отвечаете за то, чтобы он не попал во вражеские руки, но если подойдут наши корабли, он должен быть спасен.

– Слушаюсь, господин капитан первого ранга!

– Стоп машины! Дробь – стрельба. Кингстоны открыть.

Свистать всех наверх! Спасаться по способности. И... Нет... Все, господа. На этом – все. Больше приказаний не будет. Я вас не задерживаю, прошу простить меня, если с кем был резок. Прощайте.

– Но, командир...

– Не волнуйтесь из-за меня. Тем более что я потерял много крови и в воде продержусь лишь несколько минут даже с помощью. Шлюпок и катеров у нас уже нет, так что... Прощу вас, уходите. Вы все честно исполнили свой долг...

Русские броненосцы, выпустив по замолчавшему, погибающему вражескому кораблю еще десятка два снарядов, также прекратили огонь. До его конца оставались минуты – корма медленно кренящегося «Фудзи» все глубже уходила в воду, плескавшуюся у барбета башни, а на палубе уцелевшие моряки занимались своим спасением, подвязывая пробковые пояса.

На мостиках русских кораблей всем было ясно: с японцем кончено. Вот он перед ними – первый, идущий ко дну в этой войне вражеский броненосец! И еще горящий в двух местах «Петропавловск» принял три румба вправо, направляясь к медленно погружающемуся, поверженному противнику. Вот на его фок-мачте поднялись и спустились флаги сигнала. Вскоре на «Полтаве» и «Севастополе» зашевелились кран-балки, поднимая с ростр большие восьмибаноч-

ные баркасы...

Сбавив ход до трех узлов, русские корабли прошли в паре кабельтовых от того места, где, выбрасывая в воздух шипящие струи воды из открытых кингстонов, медленно уходило под воду красно-коричневое днище опрокинувшегося «Фудзи» с задирающимся все выше и выше носовым шпироном...

В 13:20, оставив японцам четыре баркаса и несколько вельботов, они дали полный ход и заспешили в сторону еще различимых на горизонте, активно перестреливающихся кораблей Макарова и Того.

* * *

Тем временем бой четырех русских броненосцев с тремя японскими развивался по совсем другому сценарию. Первой неприятностью для адмирала Макарова оказался тот факт, что даже без «старичков» скорость его отряда по факту оказалась несколько ниже, чем у оппонентов.

С одной стороны, это было объяснимо: наши корабли давно не были в доке и нормально почистить днища не могли. С другой стороны, Степан Осипович не знал, что и адмирал Того тоже не держал свои броненосцы у Эллиотов с полными ямами. Причем исходя из тех же резонансов, что и Макаров при сегодняшнем его выходе. «Тормозили» же русский отряд «Ретвизан» и «Победа». И на то оказались свои, субъективные причины.

У «Ретвизана», как стало ясно из доклада Щенсновича после боя, из-за разрыва трубок пришлось вывести из действия сначала один, а потом, уже после завершения артиллерийского боя, еще два котла. А почему «Победа» не могла разогнаться свыше 16 узлов, разобрались лишь через пару дней, когда выяснилось, что у нее «скисли» три из четырех котельных вентиляторов центральной группы котлов.

Второй неприятностью стала очевидная неспособность наших артиллеристов реализовать численное большинство. Но этого и следовало ожидать! До прибытия Макарова свою лепту здесь внесли и отстой вооруженного резерва, и опасения спровоцировать японцев развертыванием интенсивной боевой подготовки. А после того – сначала ремонт сильнейших кораблей эскадры, а затем вынужденное сидение под замком по имени «Фусо».

К 12:30 «Цесаревич» был поражен двумя двенадцатидюймовыми и не менее чем двумя десятками шестидюймовых снарядов, а «Пересвет» одним и одиннадцатью соответственно. Через пять минут Степан Осипович, убедившись, что «Микаса», несмотря на целый ряд очевидных удачных попаданий – флагман Того к этому моменту «поймал» уже три двенадцатидюймовых, из них два с «Ретвизана», и десять шестидюймовых снарядов – продолжает медленно, но верно выходить вперед, приказал поднять ход до 16 узлов. «Ретвизан» и «Победа» начали потихоньку отставать. При чем расстояние между «русским американцем» и идущим

ему в кильватер «Пересветом» ощутило сокращалось, но Степан Осипович пока не предпринимал никаких решительных действий, полагаясь на своих артиллеристов.

В последующие пятнадцать минут комендоры обеих сторон прикладывали все силы к тому, чтобы переломить ход боя в свою пользу. «Цесаревич» и «Ретвизан» вели размеренный огонь по «Микасе», в свою очередь «Микаса» и «Асахи» отвечали тем же «Цесаревичу». Оба русских броненосца-крейсера сосредоточились на концевом в японской колонне трехтрубнике – «Сикисиме». Последний, в свою очередь, с начала боя стрелял только по «Пересвету». И в итоге он-то и преуспел.

В 12:51 начиненный пикриновой кислотой снаряд главного калибра рванул в носовой части правого борта броненосца-крейсера, метрах в семи позади его клюза и в полуметре над ватерлинией. Площадь только подводной части пробоины составила более двух квадратных метров, что в сочетании с высоким ходом корабля и двумя пробитыми осколками палубами могло обернуться бедой.

Ситуация усугублялась тем, что почти там же, метрах в десяти в сторону кормы, уже имелась здоровенная дыра от такого же снаряда, по счастью бронебойного, поэтому площадь ее была значительно меньше, да и сама она располагалась выше ватерлинии метра на полтора. Но повреждения внутренних конструкций и многочисленные осколочные пробития борта, ставшие следствием взрыва этого снаряда внутри

нашего корабля, серьезно осложняли борьбу за живучесть. А уж если нос его еще немного притопится...

Лишь двух попаданий снарядов главного калибра в носовую оконечность «Пересвета», абсолютно неадекватно защищенную для продолжительного эскадренного боя, хватило для того, чтобы он, как незадолго до этого японский «Фудзи», оказался на грани катастрофы. Второй раз в ходе одного боя было подтверждено на практике утверждение француза Эмиля Бертена о крайней необходимости поясного бронирования оконечностей линейных судов. Хотя бы противобу-гасного.

По счастью, моряки аварийной партии под начальством Петра Николаевича Тихобаева, младшего инженер-механика флагманского корабля князя Ухтомского, покинувшего к тому времени боевую рубку из-за контузии, оказались недалеко и тотчас приступили к борьбе с водой. Но о перспективах успешного итога схватки говорить было преждевременно. Водоотливные средства были запущены на полную мощность, однако удержать угрожающе погружающийся нос корабля от затопления могла только временная заделка пробойны: опустись форштевень броненосца в воду еще хоть на метр, и огромная дыра в борту окажется своей большей частью ниже ее поверхности...

Командир броненосца Бойсман, понимая, что положение крайне серьезно, немедленно запросил разрешения Макарова на снижение скорости и выход из строя. Степан Осипо-

вич, которому доложили, что «Пересвет» дважды поражен в носовую часть крупными снарядами, мгновенно оценил всю опасность положения и поднял приказ: «Скорость четырнадцать, к повороту все вдруг, фронтом, следовать флагману» и приказал рулевому закладывать циркуляцию с длинным радиусом в сторону противника.

В итоге этого маневра, если бы Того не изменил курса отряда, концевой его трио оказывался в весьма затруднительной ситуации. Конечно, японский адмирал и сам мог попытаться сделать кроссинг «Цесаревичу», но тогда его броненосцы оказались бы позади русских на пути к Бицзыво. Этого Того никак не мог допустить. И поэтому повернул также все вдруг от противника.

Макаров облегченно вздохнул: теперь «Пересвет» должен быть спасен. Так и произошло. Четыре-пять минут на правой циркуляции, приподняв над водой пробойны в его борту, позволили установить и подогнать щиты, наскоро подперев их. Конечно, о полном прекращении течи говорить пока не приходилось, нужно было вгонять клинья, раскреплять поставленные и ставить новые упоры, конопатить неплотные прилегания всем, что попадает под руку, но угроза скорой гибели корабля отступила, с этим количеством поступающей воды насосы пока справлялись.

Не изменяя радиуса поворота и развернувшись в итоге практически на обратный курс, по очередному сигналу командующего русский отряд последовал за «Победой» в сто-

рону отдаленного сражения между «Фудзи» и тремя «полтавами». Огневой контакт с кораблями Того был временно прерван.

Мрачный, как грозовая туча, Макаров приказал «Пересвету» сбавить ход и встать в кильватер «Цесаревичу». Пропуская почти застопоривший броненосец-крейсер по левому борту, Степан Осипович с офицерами штаба оценили серьезность его повреждений.

– Василий Арсеньевич! Какой ход держать можете? – прокричал в рупор Макаров Бойсману.

– На десяти, слава богу, не выдавливает, Степан Осипович! Еще крепим. Я надеюсь, минут через пятнадцать и двенадцать дадим! – раздалось в ответ с мостика «Пересвета».

– А князь где?

– Контужен, вниз свели.

– Серьезных ран нет?

– Господь миловал.

– Понял. Вставайте пока за нами...

– Ну-с, вот и все, господа, – обернувшись к своим офицерам, негромко проговорил адмирал. – Изрядно досталось. Повезло. Ближе от нас в строю стояли, я увидел, что с ними творится... А если бы не «Пересвет», а кто-то в хвосте колонны? А к японцам бы миноносцы подошли?

Вопросы командующего повисли в воздухе без ответа.

– Похоже, уйдет нынче от нас Того... Плохо! Очень плохо мы стреляем... Никуда не годится, – невесело констатиро-

вал Макаров, бросив короткий, красноречивый взгляд в сторону флагарта Мякишева, угрюмо рассматривающего истерзанный борт «Пересвета», – чудес не бывает, да-с. И японцы с их регулярной тренировкой в этом главном для боя умении нас пока превосходят. Делайте выводы, Андрей Константинович. Хоть и стреляли мы стволиками часто, но без хода в гавани – все это не то... Можно, конечно, Бойсмана с Зациаренным прямо сейчас отправить в Артур, только все одно стреножить Того нам уже вряд ли удастся, если он, холера такая, не захочет «три на пять» воевать. Запросите, какой ход максимальный может поддерживать Щенснович. Полагаю, только мы вдвоем сейчас и способны приличную скорость развить.

Глава 2. Эндшпиль: принцип оппозиции... с торпедами

*В море у Бицзыво и островов Эллиота,
6–7 июля 1904 года*

– Степан Осипович, посмотрите! Японцы разворачиваются! – внезапно сверху, с крыши ходовой рубки, раздался высокий, взволнованный голос командира броненосца кавторанга Васильева.

Нахмурившийся было Макаров встрепенулся и быстро поднес бинокль к глазам. В его окуляры было прекрасно видно, что, отойдя от прежней позиции мили на две-три, «Микаса», последовательно разворачивая за собой два идущих в кильватер ему броненосца, ложится на параллельный Макарову курс. В отличие от русских, адмирал Того знал, что к месту «большой игры» приближаются ее новые участники. Но он не видел, как переворачивается «Фудзи»...

На серебряном швейцарском хронометре, подаренном ему адмиралом Ито Сукэюки после потопления «Коушинга»⁶, было 13:20...

Пристально наблюдая в подзорную трубу за перестроениями противника, Того вскоре осознал, что маневр Макарова был вынужденным, и вызван он был, очевидно, повреждени-

⁶ См. комментарий 1 в конце книги.

ем какого-либо из его кораблей. Вскоре стало ясно и кого именно: «Пересвет» стопорил. И в итоге занял место за «Цесаревичем». После чего русская колонна продолжала двигаться на юг со скоростью не более десяти узлов.

– Господин командующий! Подходят миноносцы капитана Такэбо.

– Очень хорошо... Где сейчас корабли Асаи?

– Миноносцы полным ходом ушли на Эллиоты, на перезарядку, у них закончились мины Уайтхеда. А истребители могут быть здесь минут через сорок-пятьдесят, если прикажете, господин командующий. Но не раньше. Поскольку они сейчас сохраняют контакт с русскими крейсерами и грузят мины в аппараты на ходу. От довольно быстроходного противника им нужно будет еще оторваться.

– Не нужно. Прикажите Асаи быстрее идти на соединение с контр-адмиралом Катаокой, они должны помочь ему прикрыть наши транспорты. Мы упустили «Баяна» с четырьмя истребителями. Они, похоже, ушли именно в ту сторону. Мы Катаоке против них помочь не успеем. Слишком далеко. Дайте сигнал Такэбо, пусть подойдет к «Микасе». Я лично объясню, что ему предстоит сделать, – адмирал Того оторвался от подзорной трубы и, коротко глянув на флаг-офицера, с улыбкой добавил: – Что нам всем предстоит сделать...

Случилось так, что, увлеченные погоней за минной флотилией капитана Асаи, уходящей под берег, наши бронепат-

лубные крейсера разминулись с малыми миноносцами флотилии Такэбо. Не открыл их и «Баян», прошедший с четырьмя его истребителями дальше к югу. И сейчас шестнадцать изготовившихся к бою миноносцев подходили к месту схватки Того и Макарова. И возле семи русских броненосцев, из которых один был подбит и не мог делать больше десяти узлов, а несколько остальных повреждены и имеют потери в противоминной артиллерии, не было ни одного своего крейсера. Лишь четыре миноносца типа «Сокол»...

– Как бы много я дал, чтобы сейчас было часов шесть вечера, – прошептал адмирал Того, сжав в кармане тужурки кулак так, что свело пальцы...

Еще десятью минутами позже, когда расстояние между четырьмя и тремя идущими навстречу друг другу русскими броненосцами составляло чуть больше семи миль, стало окончательно ясно, что японцы вовсе не собираются прекращать бой. Три их линкора, развив максимальный ход, шли на сближение с явным намерением атаковать концевую в русской линии. Их целью был «Пересвет». Но не это было сейчас главным для адмирала Макарова. Поднявшись на боевой марс, он внимательно изучал в бинокль россыпь маленьких корабликов, в пенных взметах приближающихся из-за «спины» японских броненосцев.

– Да. Сглазил... Вы правы. Малые миноносцы второго класса... Но их – шестнадцать. Когда они только успели собрать здесь две минных флотилии? Да-с... А у нас задачка-то

интересная, господа...

– С «Петропавловска» передали: броненосец «Фудзи» потоплен, Степан Осипович!

– Славно! Очень хорошо! Первый из их линии. Стало быть, за «Диану» нашу мы с ним поквитались! Поздравляю всех с почином. Сигнал им с моим «особым»... Как сойдемся поближе с Яковлевым, миль на пять, поднимите предварительный: «Строй фронта, двенадцать узлов, следовать флагману, к повороту на Артур». И прикажите сейчас же семафор Бойсману – выйти вперед флагмана. Нам пока – ход восемь узлов. И не смотрите на меня так, ибо выбора не имею. На фланге его теперь сожрать могут запросто, это точно. А вот нас – навряд ли. Вы же сами все видели, когда мимо прошли – у него на правом борту места живого почти нет: три шестидюймовки выбиты, а трехдюймовок вообще меньше половины осталось. И ветер ему сейчас будет в корму, с левой раковины – все проще чиниться будет...

Макаров рассчитал точно, хотя, может быть, ему чуть-чуть и повезло, но первые пристрелочные снаряды «Микасы» вспенили воду в паре кабельтовых от левого борта «Цесаревича», когда «Пересвет» уже обошел его на полтора корпуса, вставая в строй за «Ретвизаном». До «севастополей» оставалось всего мили три, а миноносцы противника пока еще даже не догнали свои линкоры.

Через пятнадцать минут русские броненосцы и шедшие перед ними четыре «сокола» уже уходили строем фронта на

двенадцати узлах в сторону Артура, из гавани которого, как на пожар, выбегали пять миноносцев и два истребителя – последнее, что худо-бедно можно было наскрести и выслать навстречу своим, нуждающимся в поддержке линкорам. Однако ни крейсера, ни миноносцы, высланные к Бицзыво, Макаров назад не отозвал...

* * *

В 13:40 сторонний наблюдатель, окажись он милях в двадцати пяти к юго-западу от островов Эллиота, смог бы созерцать удивительную, почти фантастическую картину: за семью русскими линейными кораблями гнались три японских! Гнались за кораблями адмирала Макарова, чье кредо выражалось простым и конкретным постулатом: «Встретил слабейшего противника – нападай! Равного – нападай! Сильнейшего – нападай!»

И, наверное, это действительно выглядело бы смешным, нелепым и даже абсурдным, если бы с тремя вражескими броненосцами не было бы еще и шестнадцати миноносцев...

Сейчас на мостике «Цесаревича» стоял не просто отчаянно храбрый и решительный адмирал. На нем стоял убеленный сединами и облеченный грузом огромной ответственности командующий флотом, прекрасно осознающий цену *своей* ошибки. Кто-кто, а уж Степан Осипович-то прекрасно понимал, что самому сунуться на залп из 32 торпед с носовых

курсовых углов, в данной ситуации вещь абсолютно непозволительная. Выйдя на крыло мостика, он внимательно следил за действиями японцев.

Разделившись на две группы по восемь кораблей, их миноносцы, подгоняемые свежееющим, порывистым зюйд-остом, начинающим срывать с гребешков волн мелкие барашки, медленно, но верно выдвигались на фланги уходящей русской броненосной фаланги, выдерживая пока дистанцию около четырех миль. А броненосцы Того, прервав огневой контакт, уравнили скорость с нашими кораблями и зависли по корме, сохраняя дистанцию порядка пяти миль с небольшим.

Такое поведение оппонента убеждало, что командующий Соединенным флотом намерен использовать представившийся уникальный шанс: хладнокровно пожертвовав минной флотилией взамен на три-четыре торпеды, удачно попавшие в русские броненосцы, он готов затем сыграть ва-банк. Все будет зависеть от того, кто и как существенно будет поврежден у русских.

Воздух на мостике «Цесаревича», идущего на правом фланге русского строя, был наэлектризован напряжением. Однако командующий оставался внешне невозмутимым. Было видно, как на идущем слева «Пересвете» поднимались на палубу полубака четверо моряков, незадолго до этого вытворявших чудеса смертельно опасной эквилибристики – они спешно устанавливали еще один дощатый щит на

пробоину – внешний. Сейчас, судя по всему, все, что могли, они уже сделали. По приказу адмирала запросили «Пересвет» о ходе ремонта. Бойсман минуты две спустя передал семафором, что его корабль способен уверенно держать 14 узлов. Макаров, улыбнувшись, коротко обронил: «Как вовремя! Всю эту четверку к Георгию надобно представить. Не забудьте», – и велел передать на «Пересвет», чтобы там готовились к повороту через «правое плечо». Вскоре, когда преследующие японские миноносцы были уже чуть впереди траверза русских кораблей, Степан Осипович приказал всем своим четырем «соколам» приблизиться к флагману и, выдержав на прежнем курсе еще несколько минут, распорядился поднять исполнительный.

Русские броненосцы резко покатались вправо, разворачиваясь навстречу кораблям Того и одновременно доводя скорость до 14 узлов. Японский ответ не заставил себя ждать: их броненосцы с минутным промедлением заложили разворот влево. Макаров, коротко глянув в сторону остающихся за кормой, не решившихся на атаку японских миноносцев, которым пришлось бы для начала встретиться с «соколами», с улыбкой отметил:

– Ну, вот и молодцы. Все правильно сделали, куда ж мы от вас денемся... А теперь, господа, давайте-ка подсыпем Того перцу под хвост! Пусть «Победа» попробует его достать.

В последующую четверть часа, пока японские миноносцы на флангах, отчаянно дымя, вновь догоняли русские броне-

носцы, а идти против волны им было значительно сложнее, «Победа» размеренно посылала десятидюймовые снаряды в сторону ближайшего к ней японского броненосца – обидчика «Пересвета» «Сикисимы». В конце концов, когда водяной фонтан от близкого падения захлестнул спардек этого броненосца, адмирал Того приказал поднять скорость до шестнадцати с половиной узлов и увеличить дистанцию до русских кораблей.

– Что у нас на дальномере? – резко бросил Макаров, не отрываясь от бинокля.

– Шестьдесят два кабельтовых до «Микасы»! С учетом погрешности, возможно, даже чуть больше. Они отрываются от нас! – раздался сверху звонкий юношеский голос мичмана Дорогана.

– Отлично! Спасибо, Дмитрий Иосифович... Ну-с, господа, начнем, пожалуй... Снизить наш ход до тринадцати, пусть подальше уйдут. И будьте добры, подзовите-ка Шульца к нам, я хочу сам объяснить миноносникам, что им предстоит вместе с нами сделать. Как там, Владимир Константинович, японские миноносцы, справа нас еще не обогнали?

– Нет еще, Степан Осипович, – оторвавшись от бинокля, отозвался лейтенант Пилкин. – Те восемь, что слева, даже их опережают. Но и они пока нам до траверза не дошли. Против волны у них не очень...

– Ну, этих я и сам вижу. Ими-то, родимыми, мы сейчас и займемся, – Макаров обернулся к мичману Вилькицкому: –

Борис Андреич, наберите предварительный и приготовьте ракеты: «К повороту, все вдруг, четыре румба влево».

– Есть!

– Николай Николаевич, а куда это вы опять заторопились? Вам по этой мелкой рыбешке стрелять – только снаряды свои напрасно транжирить. Погодите, даст бог, сегодня с господином Того еще побоксируем, – командующий с улыбкой погрозил пальцем лейтенанту Азарьеву, собиравшемуся было юркнуть в люк в крыше своей носовой башни главного калибра. – Поспешность, она при ловле блох нужна... Ага, а вот и Шульц подошел...

– Здравия желаю, Степан Осипович, господа! Какие будут приказания! – вскоре раздался снизу, с мостика подошедшего к «Цесаревичу» «Смелого», усиленный рупором голос его командира кавторанга фон Шульца.

– Здравствовать и вам, Михаил Федорович! Нам пора эту свору с хвоста стряхивать. Как вы, к жаркому делу готовы?

– Конечно, с утра ждем!

– Сейчас я поверну колонну на них, влево на четыре румба. Как только «Цесаревич» через пару румбов пройдет, кидайтесь им под хвост. Зажмем! Если сразу к берегу не побегут, полагаю, кого-нибудь точно прихватим. Скоростенка-то у них не как у истребителей. Как считаете, Михаил Федорович?

– Есть, Степан Осипович! Все понял, разрешите исполнять? Должно получиться!

– Ну, с Богом, готовьтесь!

Минут через семь, когда «Смелый» вновь занял место во главе отряда из четырех «соколов», Макаров резко приказал:

– Скорость по эскадре – четырнадцать! Исполнительный приготовить. Дистанцию на ближайший японский миноносец давать каждые две минуты...

– На дальномере сорок пять, Степан Осипович!

– Исполнительный поднять! Передайте по плутонгам – целиться лучше. Как ляжем на курс, если повернут от нас – дадите сигнал Бойсману вести колонну, а нам – самый полный. Если же рискнут и пойдут в атаку, примем немного вправо, чтобы обстреливать их неповрежденными бортами. И как только подойдем на сорок кабельтовых, открывайте огонь... Полагаю, они на нас броситься должны. Приманка будет стоящая...

Расчет русского командующего оказался верен. Командир 4-го дивизиона миноносцев Соединенного флота капитан 2-го ранга Юкио Сода, увидев, что русские броненосцы вместо очередного разворота, после которого их вновь, форсируя машины, пришлось бы бесконечно долго догонять, двинулись прямо в его сторону, колебался лишь мгновение. Это был шанс. Пусть и куда меньший, чем если бы здесь были все 16 миноносцев флотилии, но все же...

Приказав подчиненному ему 5-му дивизиону присоединиться и увеличить ход до самого полного, он, мысленно воззвав за помощью к Оми-ками, бросил свои корабли в ата-

ку. Такие мелочи, как приближавшиеся справа русские миноносцы или то, что их линкоры шли сейчас по отношению к его кораблям с небольшим курсовым углом левого борта, Сода в расчет не принял.

Дальнейшие события показали, что если у отважных корабликов и были хоть какие-то шансы, воспользоваться ими они не смогли. Русские броненосцы на четырнадцатиузловом ходу по мере сближения приняли еще один румб вправо. В результате, пока дистанция до противника сокращалась до 25 кабельтовых, как минимум пять из них смогли вести по миноносцам Сода эффективный огонь. А «Цесаревич», «Пересвет» и «Ретвизан» – просто убийственный.

Флагманский «Счастливый дракон» – «Фукурую», получив подряд два шестидюймовых снаряда, зарылся носом в волну и, окутанный облаком пара из взорвавшегося котла, затонул, не успев подойти на дистанцию минного выстрела. Четверем его последователям сделать это удалось, но Макаров хладнокровно повернул свои броненосцы «все вдруг» еще на два румба вправо и оставил их торпеды чертить море за кормой.

Следом за флагманом один из этой атакующей четверки словил шестидюймовый подарок и, запарив, беспомощно закачался на волнах. Остальных перехватили «соколы». В ходе короткого, но жаркого боя все они были потоплены кораблями Шульца, чье огневое преимущество было бесспорным, а скорость выше на пять узлов...

«Смелый» и «Стерегающий» также были повреждены

японскими снарядами, но не настолько, чтобы нуждаться в выходе из боя. Вскоре «Сторожевой» добил стоявший без хода «№ 26», а три уцелевших японских миноносца, пройдя позади величественно удаляющихся в сторону Эллиотов русских броненосцев, присоединились к своим коллегам из 10-го и 11-го дивизионов. Но торпед у этого трио уже не было...

На мостике русского флагмана раскрасневшийся и улыбающийся Макаров оживленно обсуждал со своими офицерами перипетии завершившегося эпизода.

– Сдается, господа, в этот раз у нас ладно получилось, хоть поволноваться и пришлось, – Степан Осипович, сняв фуражку, промокнул лысину носовым платком. – Кстати, окажись я на месте японского командира, да еще в его молодые годы, тоже наверняка бы рискнул. Только на войне одной лихости маловато бывает. Нужно еще и расчет с глазомером иметь. Однако ж храбрец был! Храбрец... Царствие небесное, хоть и не нашей веры.

– Но восемь еще с минами остались... – озабоченно проговорил командир флагманского броненосца кавторанг Васильев.

– Эти-то сейчас не сунутся. Во-первых, они же дернулись, вы видели. И в результате у нас сейчас на правой раковине, а не на траверзе. Да и Шульц – молодцом! Уже между нами встал. Можно, конечно, приказать ему их разогнать. И не сомневаюсь, что сейчас, на кураже, его «соколики» это смогут.

Но, во-вторых, я не знаю пока, есть ли у его кораблей серьезные отметины, запросите, кстати... А в-третьих, не хочу их от нас отпускать далеко, потому как надо Того еще погонять. Вы же видите – он, волчище, опять было на нас развернулся, когда мы с миноносцами воевали.

– Японские броненосцы, судя по их курсу, намереваются пройти севернее Эллиотов, Степан Осипович! На дальнем-ре пятьдесят шесть до концевого!

– Понятно... Так... У нас сейчас без пяти три. Запросите Лощинского на «Амур»: что там у них с транспортами?

– Передают «три четверки три», – вскоре доложил прибежавший от телеграфа Кедров.

– Так... Стало быть, «противник не обнаружен»... Это плохо. Значит, успели сняться. Крейсера наши у Бицзыво должны были быть уже с час как. Получается, что они бухту уже пробежали, а канонерки с «Амуром» еще не дошли. Не догнал бы их супостат... Передайте Лощинскому, чтобы немедленно отошел под берег. Того туда не сунется... Ну-с, господа, а нам особо выбирать сейчас не из чего, продолжаем идти за ним дальше. И давайте-ка уголок срежем. Не ровен час отстанет кто. Разберитесь, пожалуйста, и доложите, что у нас с повреждениями и каковы потери. Интересно, где сейчас Вирен? Может, он первым их транспорта найдет? Запросите. И, если прием будет, желательно, чтобы он действовал вместе с Рейценштейном. Предупредите всех: Того направился к Эллиотам, пройдет между ними и берегом, дайте

его координаты...

– Степан Осипович! Японские миноносцы отстают от нас уже порядка семидесяти кабельтовых. Переходят нам на левую.

– Понятно. Тоже смекнули, что возвращаться в Порт-Артур мы пока не собираемся, а повторения пройденного не хотят... Очень мне интересно, как-то там у нашего Всеволода Федоровича дела идут? – Макаров озабоченно вздохнул. – Да, будь у нас в ямах хотя бы половина нормального запаса, пошли бы сейчас прямо во Владивосток. Но, увы, сегодня возвращаться так и так придется... И попросите, пожалуйста, принести перекусить чего-нибудь, что-то голод вдруг одолел...

Информация, полученная «Амуром» с «Цесаревича», оказалась своевременной. Минный транспорт и канонерки отошли под берег и лишь издали наблюдали дымы проходящих много мористее броненосцев Того, судя по всему избежав весьма крупных неприятностей. Затем с них стали видны и главные силы нашей эскадры, преследующие противника. Подождав еще четверть часа, контр-адмирал Лоцинский повел свой отряд дальше, к бухте Энтоа.

* * *

В 16:20 «Баян» и идущие с ним четыре контрминоносца, обогнув с юго-востока острова Эллиота, обнаружили север-

нее, ближе к берегу, группу дымов. Выяснение того, кому они принадлежат, завершилось встречей с крейсерами и истребителями Рейценштейна, которые продолжали преследование дестроеров каперанга Асаи. Японцы шли по мелководьям, прижимаясь к берегу, а «Паллада», «Аскольд» и «Новик» несколько мористее. Причина, по которой японские эсминцы не оторвались от идущих на семнадцати узлах русских крейсеров, заключалась в том, что два из семи контрминоносцев были повреждены и не могли физически развить ход больше 22 узлов. А поскольку идти приходилось против ветра, то реальная отрядная скорость составляла узлов двадцать. Несмотря на это, отрыв их от русских рос с каждым часом, и к моменту появления на сцене «Баяна» они уже ушли вперед миль на восемь.

Примерно два с половиной часа назад крейсера и четыре истребителя Рейценштейна прошли мимо бухты Энтоа у Бицзыво, но там уже не было ни одного японского парохода. За четыре часа охраняемый «Чин-Йеном» и «мацусимами» конвой удалился от места выгрузки на 36 миль. По пути к нему присоединилась «Цусима», а сейчас догоняли семь истребителей каперанга Асаи. Увы, на хвосте за собой они вели и преследователей. Правда, и без поводыря они так и так нашли бы и настигли тихоходное транспортное стадо.

Визуальный контакт между конвоем и преследователями был установлен в 17:10, когда до залива, в устье которого располагался поселок Дагушань и в котором контр-адмирал

Катаока предполагал отстояться с транспортами, оставалось пройти еще миль двадцать. Ему поначалу не верилось, что русские крейсера отважатся зайти так далеко. Однако поступивший часа полтора назад приказ – до темноты уходить вдоль берега по безопасным глубинам, а потом напрямик на Чемульпо – ставил крест на этой идее.

Когда на западе, прямо по корме, появилось облако дыма, которое постепенно росло и наконец материализовалось сначала в свой легкий крейсер, а за ним в семь эсминцев, Катаока облегченно вздохнул, ибо своих легких сил при его кораблях сейчас не было. Но потом на фоне закатной дали сигнальщики опознали четыре русских крейсера со сворой истребителей. Что, в свою очередь, было очень и очень плохо: со скоростью его больших кораблей защитить растянувшийся на несколько миль караван трампов от быстроходных крейсеров будет крайне тяжело. Или скорее – невозможно. Что вскоре и подтвердилось на практике...

На дистанцию открытия огня из шестидюймовых орудий вражеские крейсера приблизились сорок минут спустя. Катаока хорошо помнил недавний бой с «Богатырем» и выводы, из него сделанные, поэтому резко повернул «все вдруг» на противника, пытаясь максимально сблизиться и ввести в дело свои 120-миллиметровые орудия.

Характер последующих событий мало отличался от истории с «Богатырем» – при более или менее близких падениях «Паллада» и «Баян», пользуясь превосходством в скорости,

разрывали дистанцию. С учетом того, что в этот раз крейсеров с шестидюймовками было два, а один из них даже с одной восьмидюймовкой, поскольку в кормовой башне «Баяна» до сих пор не могли устранить заклинивание погона осколками шестидюймового снаряда – прощальный привет «Фудзи», один из них постоянно вел огонь по малоподвижному противнику. Впрочем, результат боя был близок к «богатырскому» – несколько шестидюймовых попаданий в устаревшие японские крейсера. Плюс пара восьмидюймовых в «Чин-Иен», не причинивших старому броненосцу критических повреждений.

Тем временем «Аскольд» с «Новиком», впервые за день выдав максимальную скорость, обогнули место боя и рванулись к транспортам. «Нарисовавшийся» было у них на пути «Цусима», получив за десять минут пять шестидюймовых и три пятидюймовых снаряда, волоча дымный шлейф пожара в офицерских каютах, с креном отвернул в сторону кораблей Катаоки. Попытка дестроеров Асаи помешать избению своего крейсера закончилась серьезным повреждением двух его кораблей, включая и флагманский «Сиракумо». Остальные выпустили мины без серьезной надежды попасть в несущиеся на 23 узлах русские корабли. Легко уклонившись и не обращая больше на японские истребители внимания, два наших «германца» и ведомые ими восемь контрминоносцев занялись основной, запланированной на сегодня работой: избением вражеских транспортов.

Первый снаряд в их неправильном строю разорвался в 18:47. После чего капитанам пароходов не оставалось ничего иного, кроме как, выполняя приказ Катаоки, «спасаться по возможности». И они кинулись врассыпную...

Многие, не искушая судьбу, выкинулись на берег или отдели, чтобы спасти людей. Таковых счастливых было более десятка. Один из беглецов, получив несколько снарядов, лишился хода и загорелся на глубокой воде. Неподалеку от него почти одновременно были подорваны минами истребителей и начали тонуть еще два. Трое сели на камни сравнительно далеко от берега, где затем и были деловито добиты снарядами «Аскольда» и минами контрминоносцев. Два стали законными призами «Новика»: один – порожний, другой – с грузом вяленой рыбы, филиппинского риса и испанских жестянок с порошком для куриного бульона. «Аскольду» же достался целым небольшой пароходик с хоть и менее ценным в денежном выражении, но не менее нужным в крепости грузом – брикетами конского фуража.

Но нескольким крупным трампам удалось-таки проскочить к юго-востоку, в сторону открытого моря, где за ними в сгущавшихся сумерках пришлось гоняться истребителям. Отходившие в том же направлении их японские визави попытались этому помешать, что было усмотрено «Новиком». И закончилось вполне закономерно. «Сиракумо» погиб, причем практически со всем экипажем и отважным, но неудачливым командиром флотилии. Как и подорван-

ный минами крейсера транспорт в три тысячи тонн, который Асаи до последнего пытался защитить. Еще два крупных трампа записали на свой счет «Беспощадный» и «Бдительный».

Наступала ночь...

Завершив свою миссию и так и не получив кодовой телеграммы Макарова об атаке на Эллиоты, крейсера и назначенные конвоировать призы контрминоносцы, кроме двоих, посланных на разведку к Чемульпо, потянулись за «Аскольдом» в Артур, обходя по большой дуге с юга острова Эллиота.

Рейценштейн по телеграфу приказал «Баяну» и «Палладе» присоединиться, избавив Катаоку от возможных крупных неприятностей. Но, со своей стороны, это его решение спасло и наши крейсера от неизбежного контакта с броненосцами Того, подходившими к месту боя. С их мостиков не только слышали выстрелы, но и видели далеко впереди огневые зарницы. Уже в темноте наши отходящие с добычей к югу крейсера счастливо разминулись с ними на дистанции порядка восьми миль.

Получив доклады от группы прикрытия транспортов и с Эллиотов, Того двинулся с уцелевшими силами в сторону Корейского пролива, приказав сделать то же и Катаоке, а транспортам и судам обеспечения с миноносцами немедленно оставить якорную стоянку у Эллиотов. Противостоять подходящим семи русским линкорам было не реально.

Наличие этой, пусть и неспешной, погони повлияло на характер действий японского адмирала: имея три броненосца, он уже не мог пресечь вакханалию избиения транспортов у маньчжурского берега без риска потерять всё. Сейчас важнее было сохранить тех, кто еще движется в корейских водах – дать им укрыться в Чемульпо и Пусане.

Развивая предельный для своих повреждённых кораблей шестнадцатиузловой ход, Того отрывался от Макарова. Увы, недостаточно быстро, чтобы по прибытии в Чемульпо успеть принять с плавбатареи «Асама» сколь-нибудь значимое количество шестидюймовых снарядов до ожидавшегося прихода туда русских. Напрашивалось единственное решение – соединиться в Мозампо с отозванными от Хакодате «Ясимой» и «Хацусе», обязав миноносцы атаковать ночью противника на пространстве от Шантунга до Чемульпо: шанс помешать уходу русской эскадры во Владивосток еще оставался.

Но у Степана Осиповича на этот счет был иной план. Вернее, просто не было выбора. Рассчитывая на решительный разгром Того, он отнюдь не планировал сбегать из «артурской ловушки». Его приказ на бой четко оговаривал: «иметь на кораблях угля, воды и припасов на двое суток, из них 24 часа полного хода и 24 экономичного». Дополнительные пол-узла для его крейсеров, дополнительный десяток сантиметров надводной брони у броненосцев и дополнительный запас плавучести – из этих «мелочей» и должен был сложить-

ся успех дня.

Ценой за всё это была невозможность «второго раунда» и прорыва во Владивосток. К концу вторых суток «сражения при Бицзыво» эскадра непременно должна была возвратиться в крепость. И коль скоро под вечер даже дымы кораблей Того перестали быть различимы, в десять часов отряд русских броненосцев перешел на экономичные десять узлов и последовательным поворотом лег курсом на Артур.

Только точку в сражении ставить было рано. До командиров восьми миноносцев 10-го и 11-го дивизионов и уцелевших трех из 4-го телеграмма адмирала Того об общем отходе не дошла. Расстояние было слишком велико, поскольку за пять часов до этого командовавший ими кавторанг Такэбо принял решение развернуться в линию западнее Эллиотов в надежде ночью перехватить возвращающиеся на базу русские корабли. Ведь некоторые из них могут иметь боевые повреждения, возможно даже, не могут развить полный ход.

* * *

Как говорится, предчувствия его не обманули. На «Севастополе» во время азартной «гонки» вслед за уходящими за Эллиоты его броненосцами случилось повреждение в правой машине, приведшее чуть позже к тяжелой аварии: порвало бугель эксцентрика ЦВД. Под одной машиной «охромевший» корабль не мог дать больше девяти-десяти узлов.

Но беда одна не ходит. Когда эскадра Макарова, миновав пролив, выходила из «тени» островов Эллиота, в правую скулу русских броненосцев стала бить короткая и тяжелая волна, разведенная быстро крепчающим зюйд-остом. И не прошло десяти минут с момента аварии на «Севастополе», как был поднят тревожный сигнал на «Пересвете»: волны частично выбили заделки пробоин, и корабль вновь принимал воду, постепенно садясь носом. С «Полтавы» также передали о полном затоплении одной из угольных ям в результате попадания снаряда с «Фудзи». Оценив сложившуюся ситуацию, Степан Осипович скрепя сердце отдал приказ окончательно поворачивать к Артуру.

Русская броненосная колонна, имея в голове «Цесаревич», на девяти узлах развернулась и, оставляя острова Эллиота справа по борту, двинулась в сторону крепости. Справа и слева от флагмана шли две пары «соколов», поврежденные броненосцы «Пересвет» и «Севастополь» держались в строю за «Победой» и «Ретвизаном». Замыкающим кораблем в строю был «Петропавловск» – наименее пострадавший из трех «полтав»...

Тем временем кавторанг Такэбо разделил свои миноносцы, находящиеся между Порт-Артуром и броненосцами Макарова. По его прикидкам получалось, если русские корабли направятся в свою базу, то наиболее вероятных направлений их подхода два. Первый путь пролегал ближе к побережью Квантуна, а второй мористее, если они обойдут Эллиоты с

юга. Конечно, все могло быть иначе, русские могли уйти во Владивосток, атаковать Чемульпо, да и еще много чего они могли теперь натворить. Но Такэбо решил рискнуть и ждать, патрулируя два выбранных района милях в двадцати от западной оконечности Эллиотов. Ближе к берегу он отправил миноносцы 11-го дивизиона, а с собой кроме четырех его «номерков» 10-го оставил и три оставшихся без торпед миноносца 4-го дивизиона. С ними можно было просматривать большую полосу моря.

И чутье воина не обмануло потомка древнего самурайского рода. Враг вышел на его миноносцы перед рассветом. Море было беспокойно. Волна доходила до трех баллов, и миноносцы ощутимо качало. Предутренняя туманная мгла оставляла не много шансов на успешное обнаружение противника, однако удача пришла. Поразительно, но присутствие русских было обнаружено на слух! На «Пересвете» и «Полтаве» продолжались ремонтные работы по заделке пробоин, а топоры и кувалды бесшумно использовать невозможно. Это и привлекло внимание противника.

Оценив обстановку, Такэбо понял, что голову русской колонны он пропустил, «Цесаревича» и «Ретвизана» с японских миноносцев даже не видели. Зато другие русские корабли находились уже достаточно близко. Командир дивизиона приказал выпустить серию зеленых и белых ракет, что означало «общая атака удобных целей» и давало его кораблям полную свободу в выборе объекта нападения, после че-

го, не мешкая ни минуты, повел свой миноносец на ближайший русский броненосец.

Волею судеб им оказался «Севастополь». Шедший под одной машиной «охромевший» корабль мог поддерживать только девятиузловую скорость, однако его экипаж был готов к неожиданностям. Такэбо понял это сразу, оказавшись в лучах мощных боевых прожекторов. Немедленно и неожиданно метко застучали русские пушки противоминного калибра, затем загрохотали шестидюймовки.

«№ 40» под управлением Такэбо, окруженный фонтанами и всплесками, поражаемый осколками и мелкокалиберными снарядами, смог все же приблизиться к русскому броненосцу кабельтовых на шесть, после чего выпустил обе мины подряд. И вовремя, так как тут же «поймал» себе в машину шестидюймовый... Слава богам, что прошитый осколками котел не взорвался. С мостика останавливающегося, окутавшегося паром миноносца было видно, как мины приближались к русскому кораблю, который неторопливо закладывал поворот влево. Прямо на них и на беспомощно качающийся на волнах остов флагмана 10-го дивизиона.

Промахнулись... Торпеды миноносца прошли практически у борта русского броненосца, а сам он, разведя крутую волну, прошел мимо медленно опрокидывающегося «Сорокового». Метрах в пятидесяти – не более. Спасательные пояса удержали смытого с мостика Такэбо и еще нескольких членов экипажа его погибшего кораблика на воде.

Сам капитан второго ранга не получил даже царапины. Уверенно держась на волнах, он вскоре понял, почему русский броненосец повернул на его мины. Оказывается, тот вставал кормой еще к одному миноносцу, атакующему его. По-видимому, он был раньше замечен русскими, а возможно, просто находился ближе. Так или иначе, но ни одного попадания во вражеского левиафана Такэбо так и не увидел, зато разглядел вдалеке задравшуюся корму горящего и тонущего миноносца. Кто это был, так и не удалось узнать. Вскоре мимо него прошла активно работающая боевыми прожекторами и постреливающая «Полтава», а за ней во мгле смутно угадывалась туша еще одного броненосца такого же типа. Следовательно, это был «Петропавловск». Оттуда светили в сторону, противоположную от плававших группой японских моряков, поэтому происшедшее дальше Такэбо видел хорошо.

Справа, из темноты, оттуда, где должен был находиться «№ 42», практически бесшумно и как-то совсем не быстро, в сторону приближающегося последнего русского броненосца по поверхности моря мимо них скользил низкий, темный двухтрубный силуэт. Русские по нему не стреляли! Возможно, не видели... Все ближе и ближе...

Плавающие группой японские моряки с «сорокового», затаив дыхание, ждали развязки. Но нервы у кого-то все-таки не выдержали...

– Мы здесь! Помогите нам! Мы здесь!

– Молчать, тусы! Заткнитесь! Вас могут услышать враги! – рявкнул разъяренный таким поведением своей команды Такэбо.

Луч одного из прожекторов с формарса русского броненосца неожиданно быстро начал разворачиваться в его сторону, за ним скользнул второй... Но было поздно! С двух кабельтовых, практически в упор, миноносец выпустил свои мины и, дав полный ход, накренился в развороте. Было видно, что броненосец тоже пытается развернуться, спасаясь от пущенных в него торпед, но тщетно. Ослепительный свет прожектора ударил по глазам держащихся на воде японских моряков. Вокруг ревели и выли снаряды, всплески их падений обрушивались на лица, немилосердно, как кувалдами, били по всему телу гидравлические удары...

Оглушительный, звенящий грохот взрыва, взметнувшего громадный столб воды против первой трубы «Петропавловска», заставил Такэбо отчаянно заорать: «Хэйки Тенно Банзай!» «Банзай!» несло с поверхности моря и с палубы уходящего от артогня, вновь приближающегося к ним миноносца. В него попадали снаряды, их красные дымные вспышки были отчетливо видны. Но он все бежал, бежал...

Гул второго взрыва был глуше и гуще. Казалось, что мощный гейзер воды и пара приподнял из воды грузную корму русского броненосца. Все его прожектора вдруг разом погасли. Но ослепленные их мертвенным светом глаза Такэбо отказывались пока что-либо видеть. Кто-то рядом вопил: «Бан-

зай!», и он сам опять кричал: «Банзай!» Месть сладка... Такэбо не сомневался, что вражеский исполин обречен. Его люди и он сам выполнили свой долг сполна.

О том, что «Петропавловск» не затонул, кавторанг Такэбо узнал лишь в госпитале Порт-Артура. Первая торпеда попала в броневой пояс накренившегося при развороте корабля, не причинив серьезных повреждений, если не считать таковыми одну утонувшую бронеплиту и затопление угольной ямы. Но вторая сработала как должно, угодив русскому броненосцу в то же самое интимное место, как и ее сестре-близняшке «Цесаревичу» несколько месяцев назад. К сожалению для японцев, трюмные механики «Петропавловска» действовали быстро и решительно: таблицы и схемы контрзатоплений были вызубрены как «Отче наш». В результате принявший более полутора тысяч тонн воды корабль смог своим ходом добраться до Тигрового Хвоста, а после авральной разгрузки был введен во внутренний бассейн, где под него уже переделывали кессон «Цесаревича».

Такэбо был подобран из воды в бессознательном состоянии проходившим мимо русским истребителем. Он оказался единственным выжившим японским офицером, видевшим атаку «Сорок второго». Как и при каких обстоятельствах затонул этот героический миноносец, так и не удалось установить точно...

Воспаление легких – конечно, не боевые раны, поэтому японский офицер был искренне удивлен тем, что в порт-ар-

турском госпитале его посетил сам командующий русским флотом адмирал Макаров. Выразив искреннее восхищение храбростью и решительностью моряков его дивизиона, Степан Осипович разрешил выздоравливающему офицеру написать краткий рапорт о проведенном бое своему командованию.

* * *

Отряд контр-адмирала Лощинского появился у бухты Эн-тоа с двухчасовым отставанием от планового срока. Вызвано оно было вполне уважительной причиной – подставляться под огонь японских броненосцев было для его корабликов откровенным безумием. Переждав под берегом, пока мачты Того скроются за горизонтом, канонерки и минный транспорт двинулись дальше лишь тогда, когда стало окончательно ясно, что второй показавшийся на горизонте отряд больших кораблей – это броненосцы Макарова, идущие вдогон за японским трио.

Канлодки не имели никаких шансов догнать японские транспорты, но по отношению к складам и причалам Бицзыво их относительно небольшая скорость хода недостатком не являлась. Равно как не были им серьезным противником две японские батареи из крупновских 90-миллиметровок, развернутых непосредственно у пирсов на случай новой ночной атаки русских миноносцев. После нескольких попада-

ний крупными снарядами с «Гиляка» и «Манджура» ответный огонь японцев сошел на нет. Вскоре деревянные пирсы превратились в щепки. Потом настала очередь прибрежных складов, а в финале шоу «Амур» засыпал сотней мин подходы к Бицзыво. Покончив с этим, корабли Лощинского построились в колонну, и в шестом часу вечера отряд приступил к следующей задаче – уничтожению японской передовой базы на островах Эллиота.

Подступы к внутреннему мелководью архипелага преграждали боны и три батареи армстронговских трех- и пятидюймовых пушек, закрывающих все три пролива. Мощи каждой из них вполне хватало для пресечения попыток прорыва миноносцев, но против летящих с разных сторон восьми- и девятидюймовых снарядов ни одна из них не могла долго продержаться. Выстроенные для стрельбы прямой наводкой, дерево-земляные эрзац-батареи с легкостью поражались с фланга и тыла – они и не были предназначены для таких условий. Ведь в любой другой день на их защиту вышли бы все броненосцы адмирала Того. Но увы... именно сегодня у них было «рандеву» с русскими коллегами.

Тем не менее сопротивление отряду Лощинского Соединенный флот оказал. Хотя и не слишком серьезное. Единственным его кораблем, попытавшимся активно защитить входные батареи Эллиотов, оказался вышедший из-за боны в проливе Тунгуз бывший крейсер 3-го ранга, а фактически крупная канонерская лодка – «Сайен». Его «мень-

шие братья» «Атаго», «Майя» и «Бандзе», которым для полного выхода из строя, в принципе, достаточно было получить один-два крупных снаряда с «Отважного», «Гремящего» или «Манджура», вели себя не столь решительно. Они изредка постреливали в сторону русских с рейда, из-за спины «Сайена»...

Не каждому кораблю удастся заслужить у противника персональное прозвище. «Сайену» удалось. В гарнизоне Артура бывший китайский крейсер 3-го ранга получил прозвище «Гадюка». За регулярные дерзкие обстрелы прибрежных флангов. Но в этот раз японской канонерке противостояло сразу семь кораблей. И это при том, что «Амур» от греха подальше отошел от места главных событий мили на две. Через сорок минут, получив два снаряда в 120 миллиметров, один шестидюймовый и один восьмидюймовый, «Сайен», волоча за собой дымный шлейф, уполз сперва за бон, а затем отступил еще глубже, скрывшись за островом Хасянтао. Но сам пролив оставался под обстрелом, как с него, так и с трех других японских канонерок, прикрывавших скучившиеся в глубине якорной стоянки угольщики и прочие вспомогательные суда.

К этому моменту японская береговая артиллерия состояла из одного действующего орудия. Однако это была армстронговская пятидюймовка. Та самая, чьи снаряды уже семь раз поражали русские корабли. Сначала один ее снаряд зацепил «Сивуча». Затем, после паузы, вызванной

близким разрывом очередного русского «гостинца», дважды «огреб» свое «Гремящий», и, наконец, когда стало ясно, что огонь «Сайена» слабеет, ее артиллеристы перенесли огонь на «Манджур».

В течение нескольких минут флагман Лощинского был поражен аж пять раз! На близнеце героического «Корейца» замолчала правая девятидюймовка, была снесена грот-мачта, и возле нее возник пожар. Правда, вскоре потушенный. В форпике красовалась изрядная дыра, от баркаса остались обломки. Полтора десятка человек из экипажа погибли, среди раненых был сам русский контр-адмирал, получивший два небольших осколка в левое предплечье и легкую контузию.

С учетом быстро сгущающихся сумерек, продолжающегося упорного сопротивления противника и возможной минной атаки Лощинский принял решение об отходе на ночь к Дальнему. Не удаляясь от берега Квантуна дальше трех миль, его отряд направился восвояси, провожаемый отблеском взрывов и разгоравшихся на побережье бухты Энтоа пожаров. Доложить Макарову о своем решении Лощинскому удалось лишь в 22:00. Комфлота, обдумав ситуацию, приказал ему, не доходя до Дальнего, перестоять ночь в бухте Дипп, дожидаться утром Рейценштейна, а затем вместе с его крейсерами вновь навеститься к Эллиотам.

Степан Осипович понимал, что Того, скорее всего, уже дал команду своим легким силам и обозу покинуть передовую стоянку. Но, по крайней мере, можно было ликви-

ровать телеграфную связь по кабелю, которую японцы уже успели там наладить, порушить все, что еще осталось на берегу, и завалить подходы к рейду минами...

И Макаров не обманулся в реакции своего визави. Того еще в 20:45 по радиотелеграфу прислал гарнизону и кораблям Эллиотов приказ об эвакуации в Чемульпо. Ликвидация дел потребовала семи часов. В ночную тьму по проливу Ермак уходили тихоходы: повреждённый «Сайен», по природе неспешные «Каймон» и три канонерки типа «Майя», а также шесть флотских транспортов: три 4000-тонных угольщика, 1200-тонные артиллерийский и минный арсеналы («Кассуга-Мару» и «Никко-Мару») и плавмастерская «Миикэ-Мару». Разведку и передовое охранение конвою обеспечивали относительно быстроходный авизо «Мияко», старый безбронный крейсерок «Цукуси», а фланговым охранением были вполне современные уцелевшие миноносцы первого класса 14-го и 15-го дивизионов.

На следующий день проведший ночь на якорях отряд русских канонерок при поддержке миноносцев и крейсеров Рейценштейна, за исключением эскортировавшей к Артуру призы «Паллады», к полудню вновь пришел к Эллиотам. Никто по ним огня не открывал. Для разведки к берегу отправили паровой катер с «Амура», в первородстве – минный с «Ретвизана». И после того как высадившиеся моряки донесли об отсутствии японцев, «Амур» выставил остатки мин на подходе к каждому из трех проливов, боны были подорва-

ны и разрушены, а станция телеграфа уничтожена. Найденный таки по буйку конец кабеля, «Баян» оттащил на милю от берега. Чтобы обнаружить его, японцам нужно было поднимать кабель от самого Чемульпо.

Глава 3. Стенка на стенку

Японское море.

6 июля 1904 года

По возвращении Руднева из очередного диверсионного набега крейсера ВОКа, не мешкая, вновь вышли на совместное маневрирование и стрельбы. За время его отсутствия во Владивостоке Небогатов сотворил чудо – все броненосные корабли устойчиво держали строй и довольно-таки сносно совместно маневрировали. Проблемы начались при стрельбе. Понятно, конечно, что на крейсерах итальянской постройки орудия серьезно отличались от используемых в русском флоте. Понятно, что их система управления стрельбой была не знакома русским канонирам. Но...

Но как артиллеристы «Витязя» умудрились с дистанции в 25 кабельтовых вместо щита для практической стрельбы положить восьмидюймовый снаряд под корму буксировавшего этот самый щит миноносца?! Это так и осталось загадкой. Разгадывать ее было некогда – надо было срочно тащить в гавань потерявший винты, руль, а заодно с этим и ход со способностью управляться «Двести первый»...

Но, так или иначе, с каждым очередным выходом в море броненосные крейсера все увереннее маневрировали и иногда даже попадали по мишеням. Пару раз Руднев и Небогатов, командуя каждый своим отрядом, отрабатывали сов-

местное маневрирование и поотрядную пристрелку. В роли «противника» выступали номерные миноносцы.

По росту интенсивности боевой подготовки моряков всем во Владивостоке было ясно, что назревают какие-то важные события. Что подтвердила очередная попытка неизвестного китайца проникнуть в порт, доступ куда лицам монголоидной расы был закрыт с момента начала модернизации крейсеров. Очередной «побирушка китаец», который был застрелен часовым при попытке перелезть через забор, имел с собой столь не типичную для нищего вещь, как фотокамера. И уж совсем не типичную для китайца фальшивую косу.

Это добавило Рудневу оптимизма – если японцы так упорно пытаются получить фотки крейсеров, возможно, они до сих пор не в курсе, как именно были перевооружены «Рюрик» с «Громобоем». И за неделю до решающего выхода в море в интимные заведения города были отпущены некоторые артиллерийские офицеры. Перед посещением «жриц любви» они имели приватную беседу с Рудневым, во время которой им был отдан весьма странный приказ. Офицерам с «итальянцев» вменялось во время «утех» обронить к слову в разговоре, что артиллерия их гарибальдийцев абсолютно не боеспособна. Артиллеристам же «Рюрика» предписано было в разговоре жаловаться на старые, полностью расстрелянные стволы орудий.

Во время последнего выхода на стрельбы на «Рюрике» опробовали доставленные из Питера затворы новой кон-

струкции. Их применение позволило повысить скорострельность старых 35-калиберных восьмидюймовок, и по этому важнейшему показателю они почти сравнялись с новыми, разработанными Бринком, с заимствованием ряда решений от системы Канэ. Такая копеечная, по сравнению со стоимостью самих орудий, доработка, вкупе с увеличением угла возвышения старых пушек, делала старичка как минимум адекватным противником любому броненосному крейсеру японцев. Почему как минимум? А потому, что количество самих этих пушек теперь было несколько иным, чем числилось в справочнике Джена.

На верхней палубе вместо снятых тяжелых мачт и 120-миллиметровых орудий удалось смонтировать дополнительно аж шесть таких экс-канонерочных восьмидюймовок, а не три или четыре, как Петрович задумывал первоначально. По одной на носу и на корме, способной вести огонь на любой борт. И по паре на каждом борту, на местах установки прежних пятидюймовок, с соответствующим усилением подкреплений. Хотя осадка «Рюрика» в полном грузу на пару футов возросла, его главный пояс в воду не ушел, а скорость заметно не уменьшилась. Все-таки он был большим крейсером.

Руднев, прибывший на борт «Рюрика» после постановки кораблей на бочки, злорадно усмехнулся. И предложил Трусову представить себя на месте командира какого-нибудь «Якумо», который окажется в линии напротив его корабля. Вместо ожидаемых двух восьмидюймовок в бортовом залпе

по нему будут бить шесть! Причем четыре из них, установленные на верхней палубе, будут на 10 кабельтовых дальнобойнее своего оригинального паспортного значения. И все это – при том же самом количестве шестидюймовых орудий в залпе.

– Жаль, что тяжеловато это хозяйство. Вот если бы на их место поставить трофейные стодевяностомиллиметровки, да с их-то дальнобойностью и снарядами... – мечтательно вздохнул Трусов.

– Бринк считает установку с использованием ваших станков. По первым прикидкам вроде бы получается. За общий вес не ручаюсь, но если по его чертежам мы опытную пушку соберем и удачно отстреляем, к теме обязательно вернемся через месяца два-три. Хотя даже сейчас у вас, Евгений Александрович, под командованием уже не прежний пожилой броненосный фрегат, а прямо-таки какая-то «неожиданная неприятность» для господина Камимуры. Главное, чтобы она неожиданной для него и оставалась, до поры до времени.

Много ли надо удачному прозвищу, чтобы прилипнуть к человеку или кораблю, не важно? Всего-то лишь один раз быть произнесенным вслух...

Когда до дядюшки Ляо дошли новости, что все крейсера отряда начали свозить на берег каютное дерево, а через четыре дня Руднев заказал молебен «во одоление неприятеля» в главном соборе Владивостока, «портной» понял, что

пора отправлять в Японию кодированный сигнал о выходе ВОК навстречу «Ослябе». И в тот же день молодежавый, щегольски одетый корреспондент-иностранец отправил с телеграфа Владивостока в редакцию латиноамериканской газеты заметку про быт и нравы русских морских офицеров...

Через трое суток из базы в Сасэбо к западному входу Сангарского пролива вышли самые быстроходные броненосцы Соединенного флота – «Хацусе» и «Ясима». С ними для поддержки и разведки шли бронепалубные крейсера «Читосе» и «Кассаги».

Через восемнадцать часов после их выхода Камимура, подняв флаг на «Идзумо», вывел из Мозампо пять броненосных крейсеров. Их сопровождали старые знакомые Руднева еще по Чемульпо – четвертый боевой отряд. В связи со смертью адмирала Уриу им командовал Того-младший. Кораблям его отряда, скорее всего, предстояло драться с «Варягом» и «Богатырем», поэтому для усиления ему были приданы «Такасаго» и «Иосино».

* * *

Противники встретились примерно там, где они и ожидали увидеть друг друга. Как и предполагал Руднев, Камимура не стал брать с собой броненосцы – с ними отрядный ход снижался до 17 узлов, и у русских были все шансы оторваться, не вступая в бой.

Как и планировал японский адмирал, отряды его крейсеров оказались между противником и Владивостоком, так что он фактически отрезал Руднева от базы, а попытайся его русский визави после боя улизнуть Сангарским проливом, его ожидала бы встреча с парой броненосцев контр-адмирала Дева.

Боя «пять на пять» Камимура не опасался, полагая, что минимум два из пяти русских больших крейсеров ограничено боеспособны, а остальные три весьма неудачно построены для линейного боя. Прекрасные бронепалубники русских, «Богатырь» и «Варяг», вряд ли могли хоть чем-то помочь своим броненосным коллегам в эскадренном линейном бою...

Приятно удивив Камимуру, русская эскадра не стала пытаться обойти его крейсера и удирать во Владивосток. Держа на левом крамболе хорошо видимую на горизонте вершину острова Кодзима, корабли Руднева упорно держали курс на Сангарский пролив.

– Похоже, на этот раз наша разведка не оскандалилась, – обратился на мостике «Идзумо» Камимура к своему начальнику штаба каперангу Като, – судя по настойчивости гайдзинов, они и правда идут встречать своих. И явно готовы драться. Что ж, об «Ослябе» позаботится Дева с его двумя броненосцами, а наша работа – Руднев с его крейсерами. Сближаемся на параллельных курсах. Не пойму пока, с такого расстояния, кто же у него головным?..

Когда корабли неприятельских колонн сблизились на 80 кабельтовых, а на мачтах были подняты боевые стеньговые флаги, у Камимуры появилось еще два повода для удивления. Как там говорят эти русские – «на безрыбье и рак рыба»? Он, наконец, разглядел состав и порядок кильватерной колонны противника. Нет, то, что Руднев может поставить в линию баталии⁷ свои бронепалубные крейсера, японец мог предположить. Чем еще русский адмирал мог усилить свою внушительную, но мало боеспособную линию? Но вот узреть «Варяга» во главе линии русских кораблей Камимура никак не ожидал. Как не ожидал он и того, что место за «Варягом» займет «Богатырь». Свои бронепалубники Камимура заранее оттянул за корму броненосной пятерки, чтобы «не путались под ногами».

Второй сюрприз оказался более неприятным. До русских было еще больше семи миль, когда на носу предпоследнего в строю русского крейсера вспухло облако выстрела. Спустя примерно полминуты упавший с полумильным недолетом до «Токивы» десятидюймовый снаряд «Памяти Корейца» показал, что насчет степени освоения русскими артил-

⁷ Со времен парусных флотов, когда парусники могли вести полноценный огонь только с борта, линия баталии была единственным признанным способом ведения боя. Корабли, выстроившись в кильватерную колонну, шли параллельно противнику и перестреливались до победы или заката. За ломку линии судили и расстреливали. Линию ломали или трусы, бегущие из боя, или гении масштаба Нельсона и Ушакова. От нее пошло и само название «линкор», то есть корабли боевой линии.

лерии их трофеев разведка японцев все же ошибалась. Следующий снаряд обрушился с неба спустя примерно полторы минуты. На этот раз с перелетом в пару кабельтовых у борта «Адзумы»...

* * *

В носовой башне «Памяти Корейца» Платон Диких наслаждался. В период подготовки к боям они с мичманом Тыртовым, переведенным на крейсер с «Адмирала Ушакова», расстреляли более пятидесяти снарядов. После первых двадцати выстрелов из единственного десятидюймового орудия эскадры мичман с прапорщиком призадумались о расстреле ствола при такой интенсивности тренировок, но выслушав их, Беляев сначала похвалил офицеров за правильный ход мысли, «как выражается наш адмирал». А потом, по секрету, сообщил им о составе груза захваченного «Варягом» «Капштадта».

При наличии аж четырех десятидюймовых стволов от броненосца типа «Трайэмф» и оперативно заказанного у Виккерса станка с тормозами отката и накатниками для такой пушки, прибытие которого во Владивосток планировалось в августе, штаб решил, что для обучения расчета и одного крупного боя ресурса «родной» пушки должно хватить с избытком.

После сражения, во время неизбежного ремонта боевых

повреждений, предполагалось произвести замену и станка, и ствола. Поскольку конструкторы Веккерса были разработчиками артустановок как «Кассуги», так и «Трайэмфа», новый станок они делали с учетом габаритов и крепежных мест стола и башни крейсера итальянской постройки.

Перед походом на корабль загрузили полуторный боекомплект для носовой башни, так что снарядов должно было хватить на два часа боя на полной скорострельности. И самое приятное – перед выходом в море его и Тыртова вызвал к себе на «Варяг» Руднев. Адмирал предоставил им полную свободу действий в бою!

– По результатам последних стрельб вы уже достаточно уверенно поражаете цели на дистанции до шестидесяти-семидесяти кабельтовых. Ваше орудие наиболее дальнобойное на эскадре, и грех было бы этим не воспользоваться. Я приказал переоборудовать пару примыкающих к погребу боеприпасов вашей башни отсеков под хранилище дополнительного запаса снарядов и зарядов. Ваша башня единственная на гарибальдийцах, в которой оставили свой собственный дальномер. Остальные каннибализировали на «рюриковичей» – больше дальномеры нам пока взять было просто неоткуда. Стреляйте по своему усмотрению на дистанции более пятидесяти кабельтовых по среднему в колонне противнику, при сближении постарайтесь достать флагмана. Но если какой-либо из крейсеров противника окажется более удобной целью – бейте по нему.

При сближении не забывайте корректировать дистанцию по результатам пристрелки среднего калибра. Впрочем, что я вам это рассказываю в сто первый раз? Вы сами все знаете лучше меня. Я ожидаю процент попаданий из вашего орудия от двух, если вы не блеснете меткостью, до семи-десяти, если вам повезет. А это от четырех до двадцати попаданий. Не подведите, другим наличным у нас калибрам с дистанции более двадцати пяти кабельтовых нам крейсера Камимуры не пронять⁸. Забронированы борта и башни у супостата на совесть...

В полной пороховых газов башне молодой мичман и начинающий сесть сверхсрочник дуэтом вели свою партию в бою. Диких стоял за наводчика, ловя в оптику далекие силуэты на горизонте, выработавшимся за годы шестым чувством определяя упреждение и момент выстрела. Тыртов сидел на дальномере и вносил поправки по дальности. После пятого выстрела снаряды стали ложиться довольно прилично, если учесть запредельную для начала века дистанцию и полное отсутствие пристрелки...

Камимура мрачно наблюдал за очередным султаном взрыва, обрушившим на палубу «Идзумо» тонны воды с осколками. Очень, очень близкий недолет. Практически накрытие. А при том угле падения, с каким 10-дюймовый снаряд попа-

⁸ Тут то ли память Карпышева начинает сбоить, то ли Руднев пытается правильно отмотивировать расчет своего единственного крупнокалиберного орудия. В реальном бою при Ульсане с 40 кабельтовых русский 8-дюймовый снаряд пробил броню башни «Идзумо». Но не взорвался...

дает с дистанции 60–70 кабельтовых в относительно слабо бронированную палубу, он вполне может дойти и до машинного отделения. Не желая дальше терпеть огонь противника даже без возможности отвечать, Камимура приказал изменить курс на два румба влево. Это позволило сократить время сближения с русской эскадрой и сбить пристрелку доставшей десятидюймовке с бывшей «Кассуги».

Но, с другой стороны, при сближении «по гипотенузе» японцы неизбежно отставали, и теперь головной «Идзумо», подойдя к русской линии на 50 кабельтовых, оказался не на траверсе шедшего головным «Варяга». И даже не на траверсе идущей третьей под контр-адмиральским флагом «России». Имея преимущество в ходе не более двух узлов – по «паспорту» крейсера японцев были быстрходнее на несколько узлов, но на практике этого как-то не показали, – Камимура по ходу сближения подотстал, и его флагман после поворота на параллельный с русскими курс оказался чуть позади «Громобоя».

* * *

Уходя с крыла мостика в боевую рубку, Руднев злорадно усмехнулся. Даже если сладкая парочка на десятидюймовке вообще никуда сегодня не попадет, свое дело они уже сделали. Камимуре пришлось форсировать сближение и теперь догонять опережающих его русских под огнем. «Кстати, об

огне. Неплохо бы сблизиться еще на пяток кабельтовых, пока наш дружок Ками не закончил поворот...» С «Варяга» взлетела в небо одна ракета белого дыма и одна зеленого, что было отрепетовано следующими за ним кораблями...

Во время маневров в окрестностях Владивостока в голову Петровичу пришла занятная идея. Тогда неправильно разобрав поднятый на мачте флагмана сигнал о повороте «Все вдруг», шедший концевым «Рюрик» вывалился из линии и, не имея запаса скорости, полчаса потом не мог ее догнать. Теперь перед любой эволюцией флагман не только поднимал сигнал, но и пускал ракеты соответствующего цвета. Белая – вправо, черная – влево. Одна – поворот «последовательно», две – «все вдруг». А количество румбов – количество красных (влево) или зеленых (вправо). Сначала была путаница, но потом, привыкнув, командиры кораблей уже не представляли маневрирования без помощи ракет. Метод этот был вскоре принят на артурской эскадре, а затем через циркуляр ГМШ введен на всей флоте...

«Варяг» принял один румб вправо, и наша линия стала постепенно и практически незаметно приближаться к японцам. На дальномерном посту «Варяга» лейтенант Нирод, словно метроном, отсчитывал дистанцию до головного корабля противника. Японцы открыли огонь с 50 кабельтовых сразу после поворота на параллельные курсы, но с русских кораблей в ответ летели только редкие десятидюймовые снаряды с «Памяти Корейца».

Море вокруг «Варяга» кипело от недолетов и перелетов. Но даже получив первый шестидюймовый снаряд в борт, русский крейсер молчал. Молчала и вся остальная колонна, хотя последовательно поворачивающие японские крейсера уже начали обстрел «России» и «Громобоя».

Но наконец, после пяти томительных минут под безответным обстрелом, с дальнего донеслось долгожданное «Сорок пять кабельтовых!». Руднев, который до этого нервно барабанил пальцами по бронированному ограждению рубки⁹, решительно кивнул Зарубаеву, но тот и сам уже отправлял данные для пристрелки на три шестидюймовых орудия правого борта. И не успели еще уйти в сторону «Идзумо» снаряды первого полузалпа, как на вторую тройку были отправлены данные с уменьшенной на три кабельтовых дистанцией...

Через две минуты на мачте «Варяга» взвился сигнал «До головного 46 кабельтовых. Мой курсовой 193», и одновременно с этим рывкнули его баковая и ютовая восьмидюймовки.

Меньше минуты понадобилось артиллеристам остальных русских крейсеров для определения дистанции между «Идзумо» и *их* кораблями. Тригонометрия, седьмой класс: дано расстояние от своего флагмана до флагмана противника и угол, от норда, под которым это расстояние измерено,

⁹ Впоследствии Зарубаев рассказывал, что в эти самые нервные минуты боя Руднев вполголоса бубнил какую-то детскую немецкую считалочку, и в его исполнении она почему-то звучала весьма зловеще. Увы, Зарубаев никогда не слышал группу «Рамштайн». Иначе опознал бы припев песни «Ди зонне»...

известно также расстояние от своего корабля до «Варяга», остается «всего лишь» вычислить расстояние от себя до цели...

Все крейсера эскадры Руднева открыли огонь. Но еще до того, как снаряды давшего залп последним «Рюрика» упали у борта флагмана Камимуре, «Варяг» и «Богатырь» увеличили скорость до 23 узлов...

* * *

Через несколько минут перестрелки Камимуре стало ясно, что его провели. Обстреливаемый огнем всех японских кораблей «Варяг» начал отрываться от основных сил русских, уводя за собой «Богатырь», а во главе их линии оказалась «Россия». Пристрелку по этому броненосному крейсеру, на котором держал флаг контр-адмирал Небогатов, надо было начинать с нуля.

Решив, что разгадал финт Руднева – поставить в голову линии бронепалубные крейсера для отвлечения огня противника в завязке боя, которые затем, используя свое преимущество в ходе, должны оторваться и побежать навстречу «Ослябе», – Камимура несколько успокоился. Два бронепалубных крейсера, сколь бы распрекрасными они ни были, не помогут «Ослябе» проскочить мимо двух броненосцев. А поддержку броненосным товарищам здесь они уже не смогут оказать. С сожалением бросив последний взгляд на удаляю-

щиеся шеститысячетонники русских, он приказал перенести огонь на «Россию». Но, как показали дальнейшие события, расслабился японский адмирал рано...

Не успев отойти от сцепившихся в схватке броненосных колонн и на милю, «Варяг» с «Богатырем» изменили курс. Повернув «вдруг» и приняв строй пеленга, они стали склоняться в сторону флагмана противника, держась от него на дистанции порядка шести миль. Когда же они вышли почти в голову японской колонны, «Варяг» снизил скорость и позволил японцам самим его догонять. И тут Камимура осознал, что наглец Руднев фактически сделал ему «crossing T» силами двух крейсеров, даже не защищенных поясной броней!

Японский адмирал оказался перед трудным выбором. С одной стороны, выйти из-под обстрела пары бронепалубников было просто – всего-навсего отвернуть на пару румбов вправо. Но тогда из зоны его огня выходили основные силы русских, по которым только-только пристрелялись его корабли: на «России» разгорался первый пожар на шканцах. С другой стороны, отогнать наглую русскую пару огнем не так просто: из всей эскадры по ним может вести огонь только носовая башня «Идзумо» и три его носовые шестидюймовки правого борта. От огня остальных кораблей эскадры их прикрывает корпус самого флагмана. Поразмыслив, Камимура решил перетерпеть огонь пары наглых крейсеров, пока будет такая возможность.

Прекрасно зная характеристики русских шестидюймовок,

которыми были вооружены «Варяг» и «Богатырь», японский адмирал понимал, что ни утопить, ни серьезно повредить его корабль с расстояния более двух миль русские не смогут. Их снарядам не пробить даже 127 миллиметров брони верхнего пояса «Идзумо», а тем более 152 миллиметров брони башни или 178 миллиметров главного пояса, прикрывающего ватерлинию. А то, что их шестидюймовые «подарки» вполне могут снести орудия на верхней палубе или пробить борт выше пояса, это можно и придется вытерпеть. Сперва надо разобраться с броненосными противниками, а уж потом можно будет заняться и этой кусачей мелочью.

* * *

Когда за неделю до выхода в море Руднев изложил Небогатову свой план охвата головы Камимуры силами двух своих не броненосных, но скоростных крейсеров, тот задал простой вопрос:

– Всеволод Федорович, а что помешает ему просто отвернуть на два румба, встать к вам бортом и расстрелять бортовыми залпами?

– Ну, во-первых, вы тогда от него уйдете, поскольку курса менять не будете. А вы – по нашей легенде – идете помочь прорываться «Ослябе». И главная задача Камимуры не утопить меня, а не пустить вас! Во-вторых, вы не учитываете психологию японцев. Вы бы отвернули. И я бы принял в

сторону, если это логично и целесообразно. Но для японца, для самурая, отвернуть от слабейшего противника, даже если тот в заведомо лучшем положении, это потеря лица. Так что максимум, что мне грозит, это огонь одной башни с парой восьмидюймовок.

– Вашим крейсерам может и этого за глаза хватить. Разве нет?

– Пробить скос японским снарядом с двух миль, даже восьмидюймовым, – это вряд ли. А остальное – не смертельно. И пока будет у меня хоть пара живых пушек, я с головы Камимуры не слезу! Если потеряю скорость – отползу к вам за линию, Николай Иванович. Пустите?

– Угу. Вас не пустишь, пожалуй... – шутливо проворчал Небогатов и уже вполне серьезно продолжил: – Я только теперь понимаю, почему его величество в приватной беседе мне столь настойчиво порекомендовал прислушиваться ко всему, что вы говорите. И хотя по времени производства в чин я вас, Всеволод Федорович, и превосхожу, но неофициально император меня попросил выполнять ваши указания как его собственные. Я, признаться, даже обиделся сперва. Но теперь вижу, что он был абсолютно прав, не считите за лесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.